

ОУИ НБ МГУ №113-114

О встречах с Пастернаком и Бабелем, немецком плене, восстании на острове Олерон и своей работе в ООН

<http://oralhistory.ru/talks/orh-113-114>

🎙 21 июня 1969

Собеседники

Сосинская Ариадна Викторовна, Сосинский Владимир Брониславович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 21 июня 1969 и опубликована 19 июля 2017.

Введение

Вторая беседа Виктора Дувакина с Владимиром и Ариадной Сосинскими начинается с дополнений к первой. Владимир Сосинский читает письма Марины Цветаевой, вспоминает встречи и застолья с Пастернаком в последние годы жизни поэта. Для Дувакина было важно свидетельство восприятия Владимира Маяковского в эмигрантской среде, обаяние манерой чтения и общения с публикой. Супруги рассказывают про общение с Исааком Бабелем в Париже. Беседа завершается кратким рассказом Сосинского о немецком лагере, участии в восстании на острове Олерон и послевоенной работе в Организации Объединенных Наций.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ну, значит, начнем, Владимир Брониславович, с вас, а потом Ариадна Викторовна присоединится. Вы вообще хотели Бабеля, но у вас, может быть, есть еще?.. Вы подумали, может, еще что-нибудь добавите?

Владимир Брониславович Сосинский: Да, вот как раз в прошлый раз я вам рассказал роман Марины Ивановны с вандейскими рыбаками. И когда вы ушли, я нашел то письмо, в котором она так любопытно пишет о них. Я думаю, что оно стоит того, чтобы включить в запись. Вот посмотрите: «Дорогой Володя!» (А дата — это 26 мая 1926 год.) «Второй месяц нашего пребывания здесь. Хотите самое удивительное приобретение? Я любима, обожаема хозяевами: им и ею, то есть полуторасти летами. Лестно? (Мой идеальный „старик“)…» (Я напомним вам, что она очень любила Казанову на склоне лет, и у нее вообще была любовь к людям преклонного возраста в связи с тем, что это какая-то идеальная старость для нее казалась, возможно. Возможно. Так что, видите, когда она говорит о самоубийстве или насильственном прекращении жизни — это совсем не в стиле Цветаевой. Она, конечно, хотела жить, и жить, и жить.) «… Мой идеальный „старик“. Они и их любовь и есть самое главное событие этого месяца, мне, меня в этом месяце. В их лице меня любит вся старая Вандея, — больше! — весь старый мир, к которому я — чем-то» (*поправляется*) нет, не «чем-то», «корнями принадлежу (может быть, простой воспитанностью сердца, которой — утверждаю — в новом нет, и, пока не сделается старым — не будет.) Это скрашивает жизнь, стирает ее углы, — о да, водит и гладит по сердцу. Но не только воспитанность: весь уклад. Здесь я, впервые после детства (Шварцвальд)* очарована бытом. Одно еще поняла: НЕНАВИЖУ город, люблю в нем только пригород, там, где он сходит на нет. Здесь пока все — природа. Живут приливом и отливом, по ним ставят часы!»**.

* С конца лета 1904 г. по лето 1905 г. сестры Цветаевы учились в католическом пансионе сестер Бринк во Фрейбурге. (Здесь и далее письма М.И. Цветаевой и примечания к ним цит. по «Наследие Марины Цветаевой». www.tsvetayeva.com)

** М.И. Цветаева В.Б. Сосинскому 26 мая 1926 г.

И в другом письме, несколько недель спустя, также пишет, говорит о том, что «море рассматриваю как даром пропадающее место для ходьбы. С ним мне нечего делать. Море может любить только матрос или рыбак, остальное — человеческая лень, любящая собственную лежку на песке. В песок играть — стара, лежать — молода. Но в общем — хорошо. Здесь чудесные камешки. И у нас чудесные хозяева — из сказки»*.

* М.И. Цветаева В.Б. Сосинскому 11 мая 1926 г. Таким образом, это письмо было написано не несколько недель спустя, а раньше.

И вот эти чудесные хозяева из сказки к концу лета превращаются: «У нас чудесно…» (по-прежнему чудесно) «…райский сентябрь, но хозяева адовы, возненавидели нас, получив всю плату наперед единовременно, и сулят нам отъезд с мировым судьей и жандармами, неизвестно за что»*. (*Дувакин усмехается.*) Это иллюстрация вот к тому, как она была… быстро загоралась и быстро ссорилась с людьми.

* М.И. Цветаева В.Б. Сосинскому 10 сентября 1926 г.

В.Д.: Они были нормальные вандейские крестьяне, прижимистые, которые хотели, видимо, заработать, вместе с тем, конечно, с большой жизненной такой бытовой культурой, которая во Франции есть, как я себе представляю, верно, да?

В.С.: А этот отрывочек, который я сейчас прочту, специально для вас, Виктор Дмитриевич. «Большая просьба: отпечатайте мне несколько (если возможно –)* оттисков Маяковского, очень нужно, – в первую голову для Пастернака и близких. Есть возможность переслать». (Я тогда был, как вы помните, секретарем редакции «Воля России» и типографом, где печаталось… «Воля России», где печатался «Крысолов» и так далее). «Вторая — большая. Очень внимательно проверьте. Это не просто стихи. И достаточно меня будут ругать по существу, чтоб я еще отвечала за опечатки! Выписываю отдельно**. Оцените. Вместо „Будь младенец, Володимир!“ — „Будь младенцем, Володимир!“».

* «М<арина> И<вановна> забыла здесь проставить цифру». (Примеч. В.Б. Сосинского.)

** «Отдельного листочка с опечатками в стихах «Маяковскому» (Воля России. 1930. № 11 – 12) нетпо-видимому, тогда же я отдал его в типографию». (Примеч. В.Б. Сосинского.)

«Будь младенцем, Володимир!» А еще, чтобы закончить о Марине Цветаевой, вернее, к тому, что рассказала Ариадна Викторовна, мне хочется привести две очень занятные записи, которые у нас сохранились.

Это письмо, отрывочек из письма Марины Цветаевой Ариадне Викторовне, которую она называла всегда Адя. «Адя! Непременно познакомьтесь с Б.» (Она всегда все фамилии... никогда не писала в своих письмах целиком, всегда ставила буквы. В данном случае это Бальмонты). «Адя, непременно познакомьтесь с Бальмонтами. Мирра была очень мила в 13 лет, сейчас она немного старше Вас. <...> Очень прошу Вас — познакомьтесь. Если Б<альмонт> захочет целоваться (с ним бывает!)...» (Восклицательные знак в скобках.) «...скажите, что у вас жених — в Марокко на кофейных плантациях»*.

* М.И. Цветаева А.В. Черновой. 1 апреля 1925 г.

В.Д.: Какая прелесть! (*Смеется*) Какое чувство Бальмонта!

В.С.: Да. И вторая запись — это письмецо, целиком, написанное тоже Ариадне Викторовне из Вандеи. Когда должен был состояться брак между героем ее двух поэм — Родзевичем и Булгаковой, дочь философа и священника, она пишет так. «St. Gilles» — это то местечко на берегу океана в Вандее, где она жила почти каждое лето, во всяком случае, несколько раз. «9 июня 1925 года. Милая Адя! 13, в воскресенье в подворье (93, rue de Crimée) венчание Булгаковой. Хорошо бы узнать накануне когда — и пойти. Венчается целая поэма...» (В скобках.) «(Пауза.) Целых две. Подговорите Володю и Доду и пойдите. И напишите. Хороший день выбрали, а? (13-е!) Целую. М.Ц.»* Володя — это я, а Дода — Даниил Резников, который... мы женаты на сестрах.

* Письмо было написано 9 июня 1926 г. Венчание М.С. Булгаковой и К.Б. Родзевича состоялось 13 июня 1926 г.

В.Д.: Ах, вот это третий!

В.С.: Третий.

В.Д.: Даниил Резников — он кто?

В.С.: Он поэт, который получил первую премию «Последних новостей» за лучшие стихи в эмиграции, но очень ленив, мало писал, так и остался с премией. (*Усмехается*.)

В.Д.: И там, да?

В.С.: И там. А сейчас он типограф по-прежнему.

В.Д.: Он работает в типографии?

В.С.: Он директор типографии.

В.Д.: Так, а почему 13 число — «хорошенькое число выбрали»?

В.С.: А 13 всегда считалось несчастливое число.

В.Д.: Ах, ну да! Только так? А я думал, что это какое-нибудь... что она, наоборот, его своим считает.

В.С.: Нет-нет, для нас 13 — это определенно несчастливый день. А вы знаете, что в Америке нет 13-х этажей, и нет 13-х номеров в гостиницах?

В.Д.: Да? Очень интересно. И здесь еще какой-то... Да, а поэмы — это «Поэма горы» и «Поэма»...

В.С.: «...конца».

В.Д.: «Поэма конца». А долго она была увлечена этим Родзевичем?

В.С.: Я думаю, года три длился роман.

В.Д.: И у них, так сказать, встречи были?

В.С.: Да.

В.Д.: Ага, так что это, так сказать, можно рассматривать этот брак с дочерью бывшего марксиста, а потом философа и священника Булгакова... Как его имя-отчество, не помните?

В.С.: Его? Нет, не помню.

В.Д.: ...Она вправе, так сказать, рассматривать как жестокую измену. Да?

В.С.: Да. Но все-таки «Поэма конца» показывает, что они разошлись тогда уже крепко, в самой «Поэме конца». Но, конечно, она оставила несколько стихов, которые именно посвящены этому моменту. Я сейчас попрошу Ариадну Викторовну, чтобы она сказала, какие именно.

(Пауза в записи.)

В.Д.: Как называется стихотворение?

Ариадна Викторовна Сосинская: «Попытка ревности»...

В.Д.: «Попытка ревности» — эти стихи обращены вот к этому самому...

В.С.: К нему.

В.Д.: ...к этому Родзевичу?

В.С.: «Как вам там живется, как вам можется...»

В.Д.: А, это я помню!

А.С.: Вы знаете, конечно. Как это...

В.Д.: Вспомните.

А.С.: Сейчас. Только не записывайте... Помните, вот это... «богиня... вместо мрамора каррарского...» Нет, не помню...

О разговоре Пастернака со Сталиным

В.Д.: Ну хорошо. Может быть, теперь... Пришла Ариадна Викторовна... может, мы теперь... прежде чем будет Бабель, вы скажите о ваших встречах с Пастернаком и тему: Марина и Пастернак. *(Сосинскому.)* Ну, начните вы.

В.С.: Я вспоминаю, это было в саду на даче в Переделкино около его террасы, и он был в белом кителе... У нас еще сохранился даже цветной фильм, где он нам рассказывал... и поразил нас тем, что спорил против нас по поводу того, что «Сестра моя — жизнь» и «Темы и вариации» — это ничего собой не представляет, что только...

А.С.: Нет, ты ошибаешься. «Сестру мою — жизнь» он любил, он только «Темы и вариации» считал своей искусственной книжкой, не настоящей, не главной. А наоборот, «Сестра моя — жизнь» — это какая-то органическая, а именно момент «Темы и вариации» он считал немножко искусственным, как-то ломанием, вообще, ненастоящим.

В.С.: В общем, как вы помните и если вы встречались с Борисом Леонидовичем...

В.Д.: Да, да, и не раз.

В.С.: ...был человек, который, вот, необыкновенно хорошо говорил, великолепно рассказывал. Причем я всегда вспоминаю его такое органное гудение. И все это сверкало такими блестками, которые только в стихах его можно найти. Вот тогда я как раз думал: как жалко, что нет магнитофона около нас!

Он рассказывал много вещей, очень много вещей, в частности, почему-то он нам подробно рассказал, как ему звонил Сталин в связи с делом Осипа Мандельштама.

В.Д.: Два момента у меня записано. Я вам ничего не буду говорить. Расскажите вы. Это страшно интересно!

В.С.: Вопрос тут очень простой.

В.Д.: Расхождения. И все от него.

В.С.: Между прочим, Ольга... нет, не Ольга — Эльза Триоле передавала в дни Нобелевской премии, пастернаковской, когда все были раздражены против Пастернака...

В.Д.: Здесь?

В.С.: ...за то, что он отказался от Нобелевской премии, вот Эльза Триоле изволила тоже напечатать этот разговор, один из вариантов своей беседы с Пастернаком об этом случае с Мандельштамом.

Он рассказывал это очень это странно, буквально остался, этот разговор, для нас загадкой, потому что...

В.Д.: Как вы поняли и что?..

В.С. (обращаясь к Ариадне Викторовне): Я буду говорить, если что надо добавить, ты поправь.

А.С.: Да.

В.С.: Раздался звонок. Секретарь Сталина сообщил Пастернаку, что будет говорить с ним Сталин, сам. И происходило это в коммунальной квартире, где был шум, грохот, и, вообще, совершенно невозможно было в такой обстановке говорить на серьезную тему. Раздался голос Сталина, хорошо знакомый Пастернаку по выступлениям по радио и так далее. «С первого же момента я стал жаловаться на обстановку, на коммунальную квартиру, что плохо слышу телефон, и вообще, так сказать, страшно трудно все это. Эти жалобы»...

В.Д.: Это уже говорит Пастернак?

А.С.: Да.

В.С.: Пастернак. «На эти жалобы Сталин не обратил внимания, а задал мне несколько вопросов, на которые я отвечал. Вопросы были такие: „Знаю ли я Мандельштама?“ — „Да, знаю“. — „Скажите ваше мнение о Мандельштаме. Мастер это? Большой мастер Мандельштам или нет?“ — Я ему ответил: „Никогда не спрашивайте балерину или поэта о другом поэте или о другой балерине. Эти мнения не будут искренними“. — „Так, а скажите, дружите ли вы с Мандельштамом? Друг ли он ваш?“ — „Нет, другом я бы его не назвал“. Тогда Сталин сказал: „Вот вы обратились к Бухарину затем, чтобы помочь ему. Почему вы не ко мне обратились? Или в Союз писателей?“ — „В Союз писателей? — сказал Пастернак, — Союз писателей этими делами уже не занимается, с какого-то там 27-го или что-то вроде этого. И если б я к вам не обратился... Если б вообще не хлопотал бы, то как бы вы узнали о том, что... судьбу Мандельштама. И почему вы теперь мне звоните, если бы это не я?“» Так что он ответил в данном случае довольно достойно, что он, хотя — ведь он хлопотал за Мандельштама. Потом, значит, еще несколько таких вопросов, и говорит ему Сталин: «Да-а, если б мой товарищ, поэт... если б я был поэтом и мой товарищ оказался в беде, то я бы его лучше защищал, чем вы защищаете». Тут, точно не помню, он говорит: «Мне хотелось бы с вами, Иосиф Виссарионович... вас повидать и поговорить с вами». — «О чем говорить?» — «О жизни, о смерти». И тут Сталин повесил трубку.

«Когда этот разговор в коммунальной квартире кончился, я страшно взволновался и бросился вниз, на улицу, влетел в первый автомат и дозвонился до Кремля и напал на того человека, который мне звонил о Сталине, и просил опять меня соединить со Сталиным.

”

Тот молодой человек сказал, что „Сталин сейчас больше разговаривать с вами не может. А что вас так беспокоит?“ — „Что, как мне поступить с этим разговором? Как его уместить в мою биографию? Ведь это ж был исторический разговор! Можно ли его... о нем кому-нибудь другому говорить? И вообще как я должен жить дальше?“».

Нам было непонятно, что значит «жить дальше». Ну, позвонил Сталин, хлопотал за Мандельштама, показал свою гуманность, хлопотал о Мандельштаме. Почему же этот разговор должен менять всю его жизнь? Оказывается, тогда, в сталинскую эпоху...

А.С.: Какая наивность, детскость.

В.С.: Была какая-то детскость, наивность и какое-то непонимание простых моральных вещей. Анна Ахматова в своих воспоминаниях пишет, что он отвечал на «четверку». Нет! Он отвечал, по-моему, на «двойку».

В.Д.: Я с вами согласен, Владимир Брониславович.

В.С.: Он был слишком взволнован тем, что Сталин говорит.

В.Д.: Ну, можно извинить его.

В.С.: Он был взволнован тем, что Мандельштам-то арестован за стихи, направленные против Сталина! Эти стихи знает Пастернак или не знает?

В.Д.: Неизвестно.

В.С.: Пастернак знал эти стихи. Бухарин...

В.Д.: Вы думаете, знал? Мог и не знать.

В.С.: Он боялся, что ему «припаяют» что-нибудь нехорошее. Он и о своей судьбе боялся как будто бы. Зинаида Николаевна очень мило там ответила, говорила всем, что я воспитываю своих детей так, что они сначала любят Сталина, больше любят Сталина, а потом уже родителей.

В.Д.: Зинаида Николаевна — жена Пастернака последняя?

В.С.: Да.

В.Д.: Вторая.

В.С.: Да, вторая.

В.Д.: Ну, не считая Ивинской.

В.С.: Да. И вот, между прочим, мы были потрясены этим разговором с Пастернаком и недоумевали очень долго, и главное, почему он так нам рассказал?

”

Когда люди обычно, рассказывая, оправдываются, а тут он себя в наших глазах буквально утопил в деле с Мандельштамом.

А.С.: И так же он рассказывал и Триоле тоже. Кто его просил?

В.С.: Совпадает?

В.Д.: Совпадает. Мне кажется, что он, конечно, чувствовал себя очень виноватым, и это было какое-то

своеобразное покаяние.

В.С.: Да. Но покаяния не было видно в его рассказе, а было только восторженное отношение к историческому моменту, к тому, что сам Сталин ему звонит...

А.С.: Нет, ну, это...

В.С.: Это было такое: «Как в биографию мою этот разговор теперь втиснуть?» А тот недоумевал, секретарь Сталина, почему, как? Ну, говорил: «Говорить можете, что с вами говорил». Потому что это, так сказать, немного и лестно — для Сталина.

В.Д.: Да. Он такую позу принял благородную.

В.С.: Да, в данном случае безусловно, безусловно. И он за стихи, очень страшные, против него, не казнил поэта.

В.Д.: То есть казнил, но потом.

А.С.: Потом.

В.С. (усмехается): Потом.

В.Д.: По-восточному.

В.С.: По-восточному.

О встречах с Пастернаком

В.Д.: Скажите, а... Это было в 57-м году, в Переделкино, но ведь вы же приехали в 61-м?

В.С.: Вернулись на родину в 60-м году, за... Мы вернулись 10 марта, а он умер 10 мая.

В.Д.: Он умер 30 мая.

А.С.: Нет, но мы приезжали. Муж работал в Объединенных Нациях, а мы каждые два года приезжали с 65-го года...

В.Д.: Первый раз когда приехали?

А.С.: В 65-м, потом 67-й...

В.Д.: В 55-м.

А.С.: В 55-м, простите, потом.

В.С.: В 55-м, потом в 57-м. В 58-м я прилетел сюда специально из Женевы, чтобы узнать, как Алеша здесь устроился...

А.С.: 59-й.

В.С. ... в 59-м, и вернулись окончательно в 60-м.

В.Д.: Ага. А эта встреча в Переделкино, в саду, которую вы сейчас...

В.С.: В 57-м году.

В.Д.: Да, но это была первая встреча с Пастернаком, знакомство?

В.С.: Нет. Это была не первая встреча.

В.Д.: То есть это не то, что он рассказывал человеку, которого в первый раз видит?

А.С.: Ну, второй раз или третий раз.

В.Д.: А когда ваша первая была встреча с Пастернаком, и что он о вас знал?

В.С.: О нас?

А.С.: Мы ему написали письмо.

В.С.: В 55-м году, когда мы приехали в первый раз в Советский Союз, мы написали ему письмецо, что хотим его повидать.

А.С.: Как мы любим его стихи, что мы знали Цветаеву — вот так примерно.

В.С.: И он ответил очень пространно и очень оригинально, в том смысле: «Вы можете себе представить, как много интересного вы могли бы мне рассказать, что мне неизвестно, и как мне приятно было бы с вами встретиться...» и прочее, и прочее. Но в конце концов это был вежливый отказ от встречи. Чем это было вызвано — я не знаю..

А.С.: Он писал, что он пишет свой роман...

В.С.: И что ему дорога каждая минута. Вот в таком духе это было. О нас он слышал и от Андреевых и вообще, так сказать, знал о нашем существовании. Значит, когда мы в 57-м году...

В.Д.: Это, значит, было в 55-м?

В.С.: Да.

В.Д.: Вы не виделись?.

В.С.: Не виделись. Когда в 57-м году мы ему позвонили по телефону, он уже говорил с нами как со знакомыми. Может быть, он, вообще, со многими так говорил, как со знакомыми, но во всяком случае он очень-очень был приветлив и очень хлопотлив, в том смысле, что не только мы устроили встречу у него, он раздобыл билет — три билета, потому что он хотел присутствовать тоже с нами — втроем пойти в МХАТ посмотреть «Марию Стюарт». Он нас «огрел» в первую же встречу своей огромной «Вакханалией», которая нам очень понравилась. Помните его поэму, «Вакханалия»?

В.Д.: Что-то не помню.

В.С.: Она не опубликована.

В.Д.: Я не знаю тогда просто.

В.С.: Да.

В.Д.: Не опубликована?

В.С.: Нет.

В.Д.: Значит, я просто не знаю.

В.С.: И вот представьте себе, значит... Хотя мы говорим вторая и третья встреча, но тут мы уже были просто друзья.

В.Д.: После «Вакханалии»?

В.С.: И после «Вакханалии», и после «Марии Стюарт», и после того, когда он так чудесно нас угощал обедом, и где было очень много коньяку выпито. *(Усмехается.)* Очень он любил коньяк. И в этом смысле, понимаете, эта встреча...

В.Д.: Пастернак все-таки выпивал, так сказать?

А.С.: Ну, видите ли, по-грузински, я бы сказала, как в Грузии, знаете, пьют не грустно, не молчаливо, а именно для веселья.

В.С.: Я вспоминаю одну встречу с Пастернаком. Это как бы были наши проводы в Соединенные штаты Америки, мы опять уезжали.

В.Д.: Вы приезжали на два-три месяца?

В.С.: Да. И опять уезжали в Америку. И он, значит, устроил как бы проводы наши, и тут присутствовал Евтушенко, например, и еще другие... артисты из МХАТа приехали из Ленинграда, то есть этот самый Левитов, или Левитин*, один из ведущих актеров МХАТа, привел группу ленинградских актеров. И вот тогда на столе прошло примерно десятка полтора бутылок коньяка.

* Речь идет об актере и режиссере МХАТа Борисе Ливанове (1904—1972).

В.Д.: Это в Переделкино?

В.С.: В Переделкино.

В.Д.: Значит, он устроил такой банкет в вашу честь вроде?

В.С.: Да. Но это так не звучало, но фактически так было. Мы через три дня улетали. Ну, там интересно было... о Евтушенко. Это была, оказывается, первая встреча Евтушенко с Пастернаком.

В.Д.: Ах, вот как! Как же они, интересно, между собой?

В.С.: А вот между прочим я вам должен сказать очень любопытную вещь. Говорят, что Евтушенко и хвастлив неумеренно и так далее. Здесь же было совершенно иное: он был очень скромн, молчалив, застенчив и оживился только тогда, когда Пастернак стал читать стихи. Причем все стихи, была ли это «Сестра моя — жизнь» или «Вакханалия», совсем еще никому не известная, и когда он запинался после очень большого количества коньяку, всегда подсказывал ему Евтушенко. Каждую строку подсказывал Евтушенко много раз. Это нас поразило — первое. Второе — когда он сам читал стихи, мы были поражены вот каким обстоятельством... Борис Леонидович накануне, то ли в эту встречу, то ли за несколько дней до этого, говорил мне совершенно отчетливо и ясно на мой поставленный вопрос: что он думает о новой молодой поэзии, что он думает о Вознесенском и т.д. Он сказал: «Ну что ж, что такое новая поэзия? Вот представьте себе обои, вот новые рисунки обоев, но это же... это так и останется рисунками на обоях, и все пройдет». То есть отношение к молодой поэзии, которой мы начинали в каком-то смысле восхищаться... Мы были огорашены каким-то таким его отношением. Но когда Евтушенко читал стихи, причем чтение нам напоминало две вещи: Маяковского и Горького почему-то...

В.Д.: А Есенина не напоминало?

А.С.: Нет.

В.Д.: Нет?

А.С.: Нет-нет. Я Есенина видела, но как раз — нет.

В.С.: И мне казалось... Читает он превосходно! Его стихи, им прочитанные, лучше, чем напечатанные...

В.Д.: Да.

В.С.: ...у Евтушенко. И вот я заметил такую вещь. Борис Леонидович так вдруг... разыскал среди других меня и...

В.Д.: Глазами?

В.С.: Глазами. ...и палец поднял в воздух: Слушайте! Слушайте! Вот в таком духе.

В.Д.: Как что-то значительное, да?

В.С.: Да. И потом, значит, стал мне выражать издали свое восхищение стихами Евтушенко. А когда кончилось, он захвалил Евтушенко, буквально обрушился, как он умеет, целой тирадой комплиментов, таких вот настоящих, добросовестных.

И вот, между прочим, меня удивило, что Евтушенко (надо же о нем закончить еще такую вещь), когда он прощался, он поцеловал руку Зинаиде Николаевне, что меня очень удивило: комсомолец, изысканно и вежливо, по-светски, поцеловал руку хозяйке дома и сказал такую фразу — потому что я сидел рядом с ней...

В.Д.: В это время уже...

В.С.: ...и сказал такую фразу: «Какая вы счастливая, Зинаида Николаевна! Я провел три часа около Бориса Леонидовича, и я уже заполнен им на долгие годы. Вы же — годы рядом с ним!»

В.Д.: Хорошо сказал.

А.С.: И «Спасибо вам за все, что вы для него делали...»

В.С.: «Спасибо вам...» — очень, очень по-настоящему! Вот почему я очень удивился, когда прочел по-французски «Автобиографию» Евтушенко, изданную в Париже когда-то в журнале «Экспресс». Там эта встреча была описана совсем не в таких тонах, как я ожидал от Евтушенко поскольку мне говорили, что он любит хвастаться и так далее. Наоборот. Настолько скромно это было сказано, настолько скромно, что он даже не упомянул, что Пастернак похвалил его стихи. Был такой намек на то, что как Державин благословил Пушкина, был такой маленький намек, но и только, ничего не было сказано ни о восторженных словах, которые произнес Пастернак... Было, так сказать, только написано, что «он высказал одобрение моим стихам». Ничего не было сказано о том, что он знает наизусть Пастернака и что он подсказывал ему все стихи. В общем, меня это удивило, потому что говорилось об этом повсюду. Но еще я хотел прибавить к тому, что объясняется это, по-видимому, тем, что для него Пастернак — это полубог. И тут уже перед ним он не мог допустить ни одной вольности.

В.Д.: Что ж, это говорит в его пользу, во всяком случае нравственно. Ну что же, возвращаемся к Пастернаку. Это был ваш отъезд в 57-м году?

В.С.: В 57-м.

В.Д.: Но вы еще были и в 59-м?

В.С.: Еще и в 59-м

В.Д.: Видели вы его, в последний приезд?

В.С.: Конечно! Несколько раз.

В.Д.: И тоже были встречи интересные?

В.С.: Я... эти встречи... как-то, может быть, сейчас не время об этом еще говорить, правда? Они как-то очень связаны с «Доктором Живаго».

В.Д.: Вот это как раз... «Доктор Живаго» — сейчас уже... история, и, я думаю, что «Доктор Живаго»... Ну, он очень жаловался, да?

В.С.: Ну, никакого сомнения. И, значит, тут и Зинаида Николаевна принимала очень большое участие во всех этих беседах и... в этом смысле, я думаю, в общем, главное, что мы пережили тогда с Борисом Леонидовичем — это был вот 57-й год.

В.Д.: У меня есть одна запись о том, как он бежит навстречу, собственно, почти чужому человеку, к одному актеру, после этого и, так сказать, буквально вопль его души, еще даже до этих всех нападков, когда он узнал, что вообще... вышло и что над ним собирается гроза. Он очень был травмирован.

В.С.: Очень был травмирован, никакого сомнения. Он говорил о том, что он беспокоится за своих близких, за свою судьбу, и что поэтому надо... поскольку мы едем за границу, надо сделать все так, чтобы ни в коем случае не его бы обвинили в том, что рукопись оказалась за границей.

В.Д.: Ну да. Это было в какой момент? До Нобелевской премии или после?

В.С.: Это была уже премия, правда?

А.С.: Нет, по-моему, нет.

В.Д.: Это до Нобелевской, то есть тогда, когда разворачивалась вся эта ругань: «Свинья...»

В.С.: Я боюсь вам точно сказать, уже были эти письма в «Новом мире» и статья Семичастного.

В.Д.: Нет, вот речь была в «Комсомольской правде»: «Свинья...» Чудовищные нападки.

В.С.: Вот я не могу точно уловить, но во всяком случае... Тревога была.

А.С.: Тревога была

В.С.: Тревога была, и боязнь, и так далее.

В.Д.: Письмо его против высылки было опубликовано?

В.С.: Он, между прочим, утверждал, что он сам побегал на почту по собственной инициативе послать телеграмму, что он отказывается от Нобелевской премии.

А.С.: И Союз писателей был недоволен.

В.С.: И что Союз писателей был недоволен этим его актом.

В.Д.: А вот это совсем непонятно. Почему же? Когда... Хрущев и так далее... вообще, это же... тогда, так сказать... ему же вменялось в обязанность... Выходит, что Союз писателей его защищал?

В.С.: Он как будто бы не хотел, чтобы он сам отказался от [Нобелевской премии]... И по-видимому были разные мнения.

В.Д.: Не было тогда единства такого.

В.С.: Единого мнения не было, совершенно верно.

В.Д.: Рассказывали тогда... (Я могу это даже и включить, действительно, в запись). Это была очень ходившая по Москве версия, что якобы... Там ведь потом съезд был, не знаю какой, очередной, был, XXI что ли. Ну, и что, в общем, Хрущев, который очень... так сказать, он прислушивался к Твардовскому, там в киоске продавался этот самый «Доктор Живаго» — его выпустили ведь у нас тиражом маленьким, в России, после всего — и что он спрашивает — и стихи Пастернака — спрашивает Твардовского: «А что, вы считаете, он действительно крупный, значительный поэт?» И Твардовский более, так сказать, настроен... сказал: «Ну, вы меня все-таки считаете поэтом, Никита Сергеевич?» — «Конечно, как же!» — «Так вот, я ему (не помню как) в подметки не гожусь» и так далее, во всяком случае, он гораздо больше. И якобы Хрущев на это, так сказать, буркнул сердито: «Я Суркову никогда этого не прощу». Вроде как Сурков поставил его в глупое положение. Вообще, конечно, мы опозорились перед Европой в этом деле. Ну, что ж делать, это была, так сказать, опечатка такая. Сейчас вы можете почитать... о «Докторе Живаго» говорится в «Литературной энциклопедии».

В.С.: Да, безусловно.

В.Д.: Да, в статье Паперного включено. Нельзя же это выключить. Я лично читал «Доктора Живаго» и, честно говоря, я не...

В.С.: Нет, я не в восторге тоже.

В.Д.: Мне он совсем... И если бы его... если б так... если бы более разумно... не было бы такого, вообще, шума. Надо было написать обстоятельный разбор. Сделали такую дикую сенсацию. Это что-то вроде «В тупике» Вересаева, так сказать. Не так, конечно, но... Там есть отдельные... Я считаю, что по отношению к стихам Пастернака это все-таки гораздо менее значительно. А он считал, что это главное, что он сделал, так же как и «Переписка с друзьями».

В.С.: Да. Он был очень, искренне огорчен, когда мы высказали свое мнение о «Докторе Живаго».

В.Д.: Ах, вы высказали?

В.С.: Да. Когда мы уезжали на прогулку из Москвы в Ростов на теплоходе «Украина», он дал нам прочесть рукопись. Это в 57-м году было?

А.С.: Да.

В.С.: Могло быть в 57-м году?

А.С.: Да, да, да.

В.Д.: Да-да, могло быть.

А.С.: Точно. Алеша тогда поступал в университет.

В.С.: Два. Это еще до Нобелевской премии, до публикации еще за границей.

В.Д.: Публиковалось, кажется... сын Иванова?...

В.С.: Фельтринелли, итальянец.

А.С.: Итальянец.

В.Д.: Итальянец. Но привез что ли или приезжал... Вячеслав Иванов там в Италии в Папской библиотеке сидел в это время, Вячеслав Иванов, поэт.

А.С.: Нет, я слышала, но, может быть, неправильно, что это Фельтринелли.

В.Д.: Он, кажется, коммунистической даже издатель?

В.С.: Да, член Коммунистической партии, итальянской.

В.Д.: Но как он получил, это так и неизвестно.

В.С.: Нет, ему передал сам Пастернак.

В.Д.: Думаете, сам Пастернак?

В.С.: Да. Это было известно, поскольку Алексей Сурков послал телеграмму к Фельтринелли, ссылаясь... «от имени Союза и от имени Бориса Леонидовича, который вам передал эту рукопись прошу ее вернуть». Вот такая была телеграмма.

В.Д.: А он ее не вернул?

В.С.: Он? Нет! Ни в коем случае, зубами вцепился в нее, в эту рукопись.

В.Д.: Ну, понятно.

В.С.: Да, мы читали его вещь, и потом он, конечно, хотел наше мнение. И мы были очень... немножко в трудном положении, поскольку он придавал этой своей книге колоссальное значение.

В.Д.: Непропорционально... непропорционально его творчеству.

В.С.: Непропорционально значению этой самой книги. Он говорил, что это лучшее, что он написал в своей

жизни.

В.Д.: Да-да-да.

В.С.: Что вся его жизнь существует только для «Доктора Живаго». И что это не только книга его, это вся русская философия.

А.С.: И вся русская эпоха говорит его голосом, как будто кто-то через него... что он как бы рупор, которым эпоха говорит. Но совершенно не соответствует...

В.С.: И вот мы, к сожалению, не могли этого поддержать.

В.Д.: Когда я прочел второй раз, мне больше понравилось. Правда, первый раз я очень наспех читал и как-то не воспринял. А сейчас я читал уже так спокойно, вполне легально.

В.С.: И композиционно это не очень так хорошо: конец просто приклеен, сжатый конец этого романа, относящийся уже к эпохе после культа личности. Война...

В.Д.: Очень какая-то, я бы сказал, пестрая книжка, неровная, в чем-то эклектичная.

В.С.: Неровная. Хороша любовь.

В.Д.: Может быть.

В.С.: Хороша она.

В.Д.: Может быть.

В.С.: Гражданская война, которая так увлекла американцев... Студенты к нам приходили и всегда восторженно рассказывали, как замечательно война гражданская изображена в «Докторе Живаго». У нас есть изображения Гражданской войны куда более мастерские.

В.Д.: Конечно!

В.С.: В начале нашей литературы советской...

В.Д.: Конечно! В конце концов, не знал же он этого.

В.С.: Да.

В.Д.: Ведь это литература о литературе.

В.С.: И мы заметили и среди американцев, поскольку мы тогда жили в Америке, заметили их разочарование в этой книге. Но каждый старался не подать виду.

” А кроме того была такая вещь. Каждый человек должен был эту книгу прочесть, и поэтому в общество нельзя было являться без того, что ты ни прочел «Доктора Живаго». Такая мода в Америке была, культурного такого типа. И все были разочарованы. Я не встречал ни одного человека, который бы восторженно говорил об этой книге. Все были сдержаны.

Между прочим, это любопытное время: 58-й, 59-й, 60-й год в Америке прошли под знаком двух бестселлеров. И один конкурировал с другим: то один занимал первое место, то — другой. Это был один советский писатель, один — эмигрантский. Владимир Набоков со своей «Лолитой» и Борис Пастернак со своим «Доктором Живаго». Они занимали всегда первые места в течение двух лет по количеству проданного.

В.Д.: Владимира Набокова я знаю только из книжки Струве «Русская зарубежная литература», которую я брал у Гудзия. Он вообще меня всем этим снабжал. И «Доктора Живаго» я у него брал. Не знаю, куда этот экземпляр делся. Гудзий умер. Это был основной у меня источник знакомства. И Ремизова я у него брал, с автографами Ремизова. Я не знаю сейчас...

В.С.: Он тогда же нам передал свои стихи в двух рукописных тетрадках: одна здесь у меня хранится, другую я подарил Вадиму Леонидовичу Андрееву. Это было...

В.Д.: Подлинники?

В.С.: Да.

А.С.: «Поезда»...

В.С.: Это были его... Нет, не «Ранние поезда».

А.С.: «На ранних поездах»...

В.С.: Это были его... «Когда разгуляется», так?

А.С.: Да.

В.Д.: И?..

В.С.: И стихи доктора Живаго.

(Пауза в записи.)

В.Д.: Вот, она у меня в руках. «Когда разгуляется». Это на машинке, да?

В.С.: Да, нерукописные.

В.Д.: *(читает)* «Во всем мне хочется дойти до самой сути, в работе, в поисках пути, в сердечной смуте...». Это все...

В.С.: Это и «Автобиография», которая была в «Новом мире» напечатана.

В.Д.: А здесь...

В.С.: А «Доктора Живаго» я, по просьбе Зинаиды Николаевны, отказался взять за границу.

В.Д.: Ага, Зинаида Николаевна...

В.С.: Просила не брать.

В.Д.: Ну да, чтобы не было лишнего повода.

Состав земли не знает грязи.

Все очищает аромат,

Который льет без всякой связи

Десяток роз в стеклянной вазе.

(Пауза в записи.)

О встрече Пастернака и Цветаевой

Так, теперь я только прошу... теперь вот то, что мы стерли, о встрече Пастернака с Цветаевой.

В.С.: Да, это то, что нужно. Вот тогда, когда вот...

В.Д.: То есть вы, вот, 57-й — 59-й год — это какие-то разговоры о «Живаго», а в 60-м вы приехали за несколько недель до смерти, и ясно, что вы его не видели — он был в больнице.

В.С.: Вот, по поводу... в тот ли самый день, когда он нам рассказал о телефонном звонке Сталина по поводу Мандельштама или в другую из наших встреч, я точно не могу сказать, но знаю, что это было в саду, он был в светлом костюме летнем, белом, и очень напоминал своими жестами и манерой говорить (почему-то вот именно тогда нам запомнилось) и всадника, и арабского коня одновременно... Так вот, он рассказал нам о встрече с Мариной Цветаевой. Во-первых, он очень огорчился, что все письма его, которые Марина Цветаева написала ему из-за границы, что все они погибли.

В.Д.: Погибли?

В.С.: Да.

В.Д.: Во время эвакуации, что ли?

А.С.: Нет, он боялся, в какое-то тяжелое время он боялся...

В.Д.: И он уничтожил?

А.С.: Нет-нет, и он их дал какой-то женщине (кто это была, не знаю), и она возила их всегда с собой. И однажды она вечером поздно ехала и оставила их в вагоне.

В.Д.: Да, к сожалению, у нас...

А.С.: Выскочила из вагона и потом не нашла. Теперь недавно, уже вот теперь, мы слышали от кого-то, что будто бы эти письма где-то есть. Правда это или нет — не знаю*.

* Письма М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку действительно были утеряны, но сохранились черновики и часть списков. В 2004 г. письма были впервые опубликованы см.: и Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. Подг. изд. Коркина Е.Б. и Шевеленко И.Д. М.: Вагриус, 2004. Об истории издания см.: <https://rg.ru/2005/03/18/knigi-obzor.html>

В.Д.: Может быть, теоретически.

В.С.: Теоретически возможно.

А.С.: Это одна из легенд, как одна женщина нам рассказывала, что она нашла могилу Цветаевой на каком-то кладбище каких-то не православных, а каких-то...

В.С.: Раскольников.

А.С.: ...раскольников — словом, какую-то дикую чушь. Это все легенды и бред.

В.С.: И вот в один из таких разговоров, которые у нас часто бывали с ним... мы были втроем всегда, ни Зинаида Николаевна, ни кто-нибудь из присутствовавших гостей, всегда втроем.

В.Д.: Вы двое и он?

В.С.: Всегда втроем. Он нас выводил в сад, и там мы наслаждались беседой. Так вот, я хочу сказать, что когда, например, я взвешивал все свои «за» и «против» поездки на родину, для меня, например, эта дружба с Пастернаком была громадным аргументом для жизни в России. Я так мечтал с ним встречаться без конца.

В.Д.: Вы приехали, и через неделю он умер.

В.С.: Да. Так вот, я хочу сказать, что он тогда же каялся, и тут у него было больше раскаяния, чем в деле с Мандельштамом. Он говорил так, что, во-первых, «вы знаете, я, конечно, сам виноват, но я испугался ее внешности и как она была далека от того идеала, который у меня был в представлении все время. Она очень постарела. И как-то мы смотрели друг на друга и боялись смотреть друг на друга, и как-то было

все нехорошо. И слов не нашли, и я не проявил достаточного внимания, теплоты, которую должен был бы проявить при первой встрече с ней. В общем, буквально встреча не состоялась. Она погибла и для нее, и для меня. И что самое страшное, что я чувствовал катастрофичность положения, и все мои попытки выйти из этого положения и как-то найти то сродство душ, которое, несомненно, между нами всегда было...»

В.Д.: Из переписки?

В.С.: Да. «...но у меня ничего не выходило. И я делал одну бестактность за другой. Она это и отмечала, и досадовала, и чуть ни слезы были в глазах. Кончено...». Он сказал так: «Ничего я не сделал для нее, и никто из нас ничего не сделал, чтобы дать ей хотя бы какую-то возможность здесь жить и работать, никто ей не помог, и в ее смерти мы все повинны, и я больше всего».

В общем, он говорил очень горько, что так случилось. И он очень болезненно это переживал, что так случилось. И, «если бы мы знали, как там все было, вот, если бы мы знали, чем это могло кончиться. Хотя у нас были примеры в прошлом, как надо подходить к людям».

В.Д.: Достаточно было примеров.

В.С.: Достаточно.

А.С.: Причем он читал тогда свое стихотворение, Цветаевой посвященное. Потом я читала его, и вот там, по-моему, нет строфы, которую он нам прочел: «Нет, ты не Пиковая дама!» — как... она будто бы возвращается, и вот его страх, как перед Пиковой дамой.

В.Д.: Видение как бы сказать.

А.С.: Да-да, как бы с того света. Но я потом этой строфы нигде не читала, не знаю, было ли это другое стихотворение или...

В.Д.: А осталось где-нибудь это?

В.С.: Он вычеркнул.

А.С.: Возможно, что он вычеркнул. Но меня это как-то поразило, вот именно ощущение жути было. «Нет, ты не Пиковая дама!..»

В.Д.: Это он читал вам вот тогда же, в 57-м году? Или в 59-м?

В.С.: В 57-м.

В.Д.: Да, вот когда вы у него были.

В.С.: Именно в 57-м.

В.Д.: Да, он, конечно, чувствовал себя виноватым. тут, конечно... И вы сами, так сказать, ощущаете смерть Цветаевой тоже как результат вот такого...

В.С.: Результат недостаточного внимания. И потом еще, учтите, что слава к Цветаевой пришла только после Отечественной войны, в 50-х годах, после того, как появились эти сборники. Фактически сейчас пришла слава к Марине Цветаевой, а тогда — тогда...

В.Д.: А за рубежом была слава?

В.С.: Безусловно. Первая поэтесса. Первый поэт эмиграции. Ну, кто же был еще из поэтов?

В.Д.: Ну, конечно, ее с Гиппиус сравнивать нельзя.

А.С.: Нельзя.

В.С.: Да Гиппиус не писала в то время, когда мы жили в эмиграции.

А.С.: Но там очень маленький был, конечно, круг, который ее понимал. Но, надо сказать, что это не единственная вообще была причина ее заброшенности. И с сыном очень большая трагедия. Он был очень грубый, и как-то от этого... она чувствовала или он ей говорил, что она ему мешает, что без нее он бы нормально жил...

В.С.: И вот тут надо сказать то, что у вас исчезло тогда в этой записи, что Марина Ивановна любила Бориса Леонидовича не только как поэта, но и как человека. Она любила его страстно.

В.Д.: Заочно?

В.С.: Заочно. Но и при встрече с ним ожидала очень многого. Она мечтала о том, чтоб иметь ребенка, например, от Бориса Леонидовича, о чем она неоднократно писала в письмах.

В.Д.: Даже говорила?

В.С.: Да. Она мечтала назвать Мура Борисом, но остановилась только из некоторых соображений по отношению к Сергею Яковлевичу [Эфрону]. Она по-настоящему, всем сердцем, всей женской своей душой считала, что в мире существует неизбежное: это — Пастернак и Цветаева, которые должны встретиться и полюбить самой сияющей любовью друг друга. Так, как, например, у Данте имеется специальная аллея для тех, которые не встретились друг с другом на земле. Вот она считала, что они должны встретиться, вот, в России, когда она поедет. И поэтому встреча эта была вдвойне ей мучительна и страшна, и трагическая, поскольку она обратилась в какую-то бытовую комедию.

В.Д.: А он увидел перед собой... как вы охарактеризовали внешность...

В.С.: Да, острыми углами направленную против всех, и против него, и против жизни.

В.Д.: Он увидел острые углы.

В.С.: Да, и что еще его поразило — это ее внешность, которая была, конечно... Она выглядела гораздо старше своего возраста. И, конечно, она была не той молодой, какой он видел ее в Берлине.

В.Д.: Он видел все-таки?

А.С.: Да-да-да.

В.Д.: <нрзб> какой-то остался?

А.С.: Да-да, но все равно это была... и тогда она не была его типом женщины.

В.С.: Он любил не углы, а именно мягкие линии.

А.С.: Мягкие, женственные.

В.Д.: Овалы.

В.С.: Овалы. *(Усмехаются)*

А.С.: И такое жизнелюбивое что-то, правда?

В.С.: Ага.

В.Д.: Ну, что ж, на этом мы закончим о Пастернаке. Да, еще. Скажите, что... вот вы говорили, что Мур не на фронте погиб, а как-то иначе.

В.С.: Да это еще проверить нужно. По слухам... Мы знаем его характер. Он был очень самолюбивый, чрезвычайно гордый, самомнительный мальчик. Он себя считал гением, неизвестно, по какой линии, но во всяком случае он считал себя гением и не допускал никаких неуважительных... никакого неуважительного к себе отношения. И, говорят, что в казарме ему страшно тяжело жилось с людьми, которые его не понимали. И кончилось это трагически однажды поножовщиной.

В.Д.: Что, кому-то дал сдачи, а ему пырнули и так далее? Да, это, конечно, страшно, но это было уже после смерти ее, да?

В.С.: После смерти.

В.Д.: Ее уже в живых не было. Теперь я, значит, хотел бы... Ну, на этом мы заканчиваем и с Пастернаком, и их отношения с Мариной, и о Цветаевой вообще.

В.С.: Да.

О встрече с Маяковским

В.Д.: Так. А сейчас, давайте... Вы говорите, что у вас небольшой, но для меня же первостатейный... Есть какие-то встречи с Маяковским.

В.С.: Да.

В.Д.: Вы встречались с ним?

В.С.: Только один раз я видел его, и видел его на эстраде.

В.Д.: А интересовались им раньше?

В.С.: Очень!

В.Д.: Когда вы заинтересовались?

В.С.: Вот я должен вам сказать, что как раз это был любопытный день и в моей жизни, и в жизни моей жены. Мы любили Маяковского только его первоначального периода жизни. Мы любили «Флейту-позвоночник», мы любили стихи его, где он был сверхфутурист и необычайно заостренный. Я как раз вспомнил это время, когда был в гостях у Бурлюка в Нью-Йорке, у Давид Давидовича. Он прочел стихи, совершенно в духе, вот, тех времен, и я сказал: «Давид Давидович, в вас чувствуется влияние Маяковского, на ваших стихах». «Как! — возмущенно сказал он. — Мое влияние чувствовалось у Маяковского, а не его влияние на мне». Он был оскорблен, что я сказал, что он писал стихи под влиянием Маяковского. Нет, оказывается, Маяковский писал стихи под влиянием Бурлюка!

Так, надо сказать, что мы любили Маяковского — того, а вот стихи, которые приходили к нам в те времена, стихи советского времени, нам казались неинтересными. Или мы были так настроены, или это объяснялось чем-то другим. И что случилось в том вечере, когда мы впервые услышали Маяковского в Париже? Ну, эмиграция была в полном составе, было очень много народу на этом вечере. Это был какой-то большой зал, теперь я уж не помню, какой.

В.Д.: Был Георгий Иванов, да?

В.С.: Был Георгий Иванов, были многие, были крики и записки ему писались — все делалось, но самое замечательное в том, что мы вдруг почувствовали, какой Маяковский большой поэт, именно новый поэт, совсем не тот, которого мы знали, то есть Маяковский на нас повлиял... в каком смысле? В том смысле, что он нам открыл себя самого, но советского периода, потому что мы его признавали только прежнего, раннего, так же как и Ходасевич. Вот, между прочим, тут очень любопытная вещь, как...

В.Д.: Что так же как Ходасевич?

В.С.: Ходасевич тоже считал, что Маяковский писал стихи в юности, а потом ерундой занимался.

В.Д.: Ну, а потом-то он что? На него тоже этот вечер подействовал?

В.С.: Для него это навсегда осталось, для Ходасевича.

В.Д.: Потом он написал очень ругательную статью...

В.С.: Очень ругательную статью.

В.Д.: ...о Маяковском, и, по-моему, даже некролог написал ругательный.

В.С.: Очень ругательный, отвратительнейшие вещи! Он назвал его «кобыла в свадебном одеянии». Да, это чудовищные статьи.

Но между прочим, по поводу чтения Маяковского: у меня было такое определенное впечатление... Я вспоминаю, как Мандельштам очень хорошо говорил об одном своем знакомом, читавшем стихи Тютчева, альпийские стихи: «Как будто бы он захватил глоток альпийского воздуха! Так лились его стихи!».

Так вот, когда Маяковский читал свои стихи, мы сразу чувствовали шум толпы, звук знамен, и мы видели: трибуна на огромной площади с миллионами слушателей — вот что открыл перед нами Маяковский. Это чтение было потрясающей силы!

И тут мне вспоминается одна вещь. Очень много мы спорили о манере чтения, и мне кажется, что один из самых замечательных чтецов своих стихотворений — это был Маяковский. Если, например, Пастернаку подходит его чтение: глуховатый голос и такие, вот... чуточку, чуточку завывание в конце каждой строфы, то все-таки он как-то их ослабляет, читая стихи свои, Пастернак. Например, Цветаева тоже не так украшает своим чтением свои стихи, украшала. А вот Маяковский создавал исключительное, совершенно гениальное произведение своим чтением. И вот, мне кажется, тут случилось то, о чем великолепно сказал Ремизов. И это для меня очень его памятные слова: «Блок читал свои стихи. А читал он изумительно, только он один и передавал свою музыку. И когда на вечерах брались актеры — было неловко слушать. Ритм — душа музыки. Вот как раз у Маяковского ритм играет колоссальную роль. И в этом стих! Стихи не для того, чтобы понимать. Их и не надо понимать». (Ну, тут я не совсем согласен с Ремизовым, но...) «Стихи слушают сердцем! Как музыку. А актерам, профессиональным чтецам, не ритм — выражение — все. А ведь выражение — ведь это для понимания, чтобы, слушая стих, лишенный уха мух по собачьи не ловили! Про себя буду Блока читать, стихи Блока, а с эстрады больше не зазвучат. Не услышишь, если, конечно, не вдолбят актеру, что стих есть стих, а не разговоры, а безухий есть глухой».

Я должен сказать, что Маяковский был идеалом и Ремизова, и нас всех в чтении своих стихов. Как Ремизов для нас был идеалом чтения прозы — Пушкина, Гоголя, Лескова, своих собственных — никто так не читал! Потому что Бунин, конечно, читал как актер. Мужичок у него был под мужичка, дворянин — под дворянина. Он читал свои рассказы как актер, и Зайцев так читал, и все. А вот Ремизов читал ритмически свою прозу, внутреннюю сущность каждой вещи доносил.

В.Д.: Так Маяковский...

В.С.: Так Маяковский читал свои стихи.

В.Д.: Внутреннюю сущность стиха.

В.С.: Внутреннюю сущность стиха, и при этом на фоне огромной толпы и в грандиозном грохоте, и, если хотите, фейерверке, и грохоте, и букве «р», и всяких букв, и ломающихся льдов — это было что-то потрясающее. Причем, что еще замечательно: после этого, к концу вечера записки подавались или крики раздавались, те или другие, против Советского Союза и против Маяковского.

Ведь в конце концов все его остроумные слова, брошенные в ответ эмигрантам, все они кончались аплодисментами этих же самых эмигрантов!

(Дувакин усмехается.) Так что это была победа абсолютная над читателем *(поправляется)* над слушателем.

В.Д.: У него много было таких побед, но это была, конечно, — одна из труднейших.

В.С.: Одна из труднейших, по-моему, и вот это у меня осталось на всю жизнь. С тех пор, с тех пор я уже всегда любил все, что Маяковский писал, и в особенности, его парижский цикл стихов. Я просто... Мы читали, и ходили с ними, и носились по всему Парижу, и читали не только в кругу, но и со сцены, с эстрады эти замечательные стихи.

В.Д.: Что, и на вечерах тоже литературных?

В.С.: Да, да.

В.Д.: Читали стихи Маяковского в эмиграции?

В.С.: Да.

В.Д.: Вас, конечно, особенно затрагивали последние: «Подступай к глазам разлуки жижя, сердце мне сентиментальностью расквась...

В.С. *(продолжает):* ...Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва!» Причем, вы помните, что Эльза Триоле, которая приехала сюда в Москву, она кончила свой репортаж в «Lettres françaises», кончила такими двумя строчками: «Я хотела бы жить и умереть в Москве, если бы не было такой земли — Париж!»

В.Д.: Да. Мне одна француженка тоже такую надпись сделала.

В.С.: Да?

В.Д.: Да.

В.С.: Вот видите, так что это уже в ходу. Ну вот, это все, что я могу сказать о Маяковском, как видите, немного. Для того, чтобы иметь возможность много рассказать, нужно много знать.

Должен сказать, что памятник Александра Кибальникова — конечно, не таким я помню Маяковского! Во-первых, Маяковский был во много раз красивее и, если хотите знать, он был величественнее, чем на этом памятнике.

В.Д.: О! Очень интересное мнение.

В.С.: Уверяю вас. В каком-то смысле я теперь понимаю Эренбурга, когда он мне говорил: «Прохожу по этой площади и никак не узнаю Владимира Владимировича, никак не узнаю. Тут, по-моему, что-то...

В.Д.: Заземленное?

В.С.: Да, что-то трудно это делать. И у меня такое впечатление, что он своими поездками, чтением своих стихов, не только в эмиграции, а вообще всюду — сделал гораздо больше, чем все вместе взятые культатташе наших посольств.

В.Д.: В смысле... Очень важная мысль.

В.С.: Ну, конечно!

В.Д.: ...В смысле, так сказать, его доказательства того, что в Советском Союзе есть культура.

В.С.: Настоящая культура. Это было всегда, очень бурно всегда проявлялось. И мы всегда это переживали, а естественно, что русская эмиграция в каком-то смысле была консультантом по советскому вопросу французов, англичан и американцев.

В.Д.: А при вас был этот эпизод 28-го года, когда Цветаева написала письмо: «Вот вам выбор...» — письмо Маяковскому?

В.С.: Да, но мы как-то это... прошли мимо: были заняты другими делами, как-то... но... да-да, мы тогда были в Париже.

В.Д.: Появилось, что «Милюкова не пустили, а Маяковского...», в Польше было, а потом*... Она послала письмо в «Последние Новости», а «Последние новости» не напечатали. Это опубликовано здесь.

* В 1927 г. Маяковский посетил Польшу, Чехословакию, Германию и Францию. В Польше в этот момент проходили выборы, и Милюкову было отказано в польской визе. Вот что пишет сам Маяковский: «В Варшаве на вокзале встретил чиновник министерства иностранных дел и писатели «Блока» (левое объединение). На другой день начались вопли газет. — Милюкову нельзя — Маяковскому можно. — Вместо Милюкова — Маяковский и т. д. Оказывается, Милюкову, путешествующему с лекциями по Латвии, Литве и Эстонии, в визе в Польшу отказали. Занятно». (Маяковский В.В. Ездил я так. // Сочинения в двух томах. М., «Правда», 1987/8).

Хотелось бы еще, чтобы Ариадна Викторовна об этом вечере добавила бы что-нибудь. *(Пауза в записи.)*
Ариадна Викторовна, может быть, вы немножко дополните?

А.С.: Пожалуй, трудно. Единственное, о чем я могу вам еще сказать, это о том, как необычайно держал себя Маяковский на эстраде. Такое было ощущение, что вообще он живет там, что это для него так же естественно, как вообще каждодневные, обычные какие-то, обыденные дела. Он совершенно... не чувствовалось, что что-то разделяет его от этих людей, не чувствовалось, что все на него смотрят. Он действовал и двигался так, как будто это... просто вот... он для этого рожден, что это единственная его как бы функция.

В.Д.: Сфера.

А.С.: Так что я... Сфера. ...так что я не могу его себе представить в обыденной жизни, настолько ярко это впечатление.

В.С.: Абсолютно верно, в том смысле, что так и видишь его ходящим из угла в угол по сцене, как он ходил бы по своей комнате в одиночестве.

А.С.: То, что даже не хватает актерам часто: такого чувства сцены, именно спокойствия, полное забвение о тех, кому он это говорит, а в то же время — яркий, быстрый, необычайный отклик на всякое слово, на всякую реплику — сейчас же он что-то находил. Но это и в его стихах. Ведь в стихах его тоже вы не чувствуете пера, бумаги, типографии, а как будто он говорит вот вам, прямо к вам обращается. Правда?

В.Д.: А что он читал, не помните?

А.С.: Нет, нет, не помню.

В.Д.: Ну что ж, если у вас нету... нету больше...

(Пауза в записи.)

Об Исааке Бабеле

Владимир Брониславович, сейчас мы переходим к нашей следующей теме: к Бабелю. Но поскольку у нас они вписываются в какой-то общий... ваш образ... Вы рассказали подробно начало вашей жизни. Сейчас я вас прошу просто дать такую короткую справку о том... о вехах вашей жизни после 29-го года: когда и как вы уехали из Парижа, когда и как вы потом вернулись в Советский Союз, без подробностей.

В.С.: Да, даже до 29-го года, потому что первый приезд Бабеля — это был, в Париж, приезд — 27-й и 28-й

год. Мы еще были тогда жених и невеста с Ариадной Викторовной.

В.Д.: А потом, значит, вы... собственно, вот вначале, в первой нашей беседе мы... я и с вами говоря и с Ариадной Викторовной, довел вас, так сказать, до свадьбы.

В.С.: Да.

В.Д.: И вы остались жить в Париже?

В.С.: Да. Когда приехал первый раз Бабель, мы жили в Кламаре. Это такое предместье [Парижа], которое теперь стало известным очень и в литературных, философских кругах всего мира, потому что там жил Николай Александрович Бердяев, один из величайших философов нашего времени. И вся переписка шла всегда в Кламар, как в свое время Ясная Поляна Льва Толстого. Нужно сказать, что Бабель понравился нам и увлек нас с первого момента, с первой же встречи. Я даже не помню, как и почему мы встретились, но...

А.С.: Я тебе скажу. Через Ольгу Форш.

В.С.: Ах, вот. Я покажу такую маленькую записочку, которая у меня здесь имеется. Он говорит... в этой записочке значится: «Если не возражаете, мы приедем к вам с Ольгой Дмитриевной Форш сегодня в восемь с половиной часов вечера». Вот у меня такая запись. Тогда Бабель жил на villa Chevilot (?), 15.

Значит, наружность Бабеля и его книги, которые нас тогда очень волновали, в особенности нам нравились «Одесские рассказы», мне представляется именно как человека, очень жадного к жизни, к людям и набрасывающегося на всех и на все, что вокруг него делается.

 Это был такой низкорослый, коренастый, широкоплечий человек, у которого горели всегда глаза каким-то таким огнем, интересом, как будто он проникал всегда в душу каждого явления.

Он очень был удивительный, он был очень веселый и на редкость жизнерадостный человек. Я вижу его живым, как будто бы мы с ним расстались вчера. И должен сказать, что это совпадает почти со всеми высказываниями о нем, которые мне приходилось читать или слышать.

Бабель обворожил нас с первого же момента и... А должен вам сказать, что эмиграция, эмиграция его встретила в штыки. Во-первых, в 27-м году первое его появление в «Ротонде» вызвало скандал, который даже проник во все газеты, в особенности в вечерние. Валентин Горянский, бывший сатириконец, друг Аркадия Аверченко, Тэффи и других эмигрантских писателей, нанес ему пощечину с криком: «Чекист!» Дело в том, что тогда вышла небольшая книга автобиографий советских писателей, и она дошла тогда в Париж, где Бабель писал, что он был чекистом в Одессе. Вот это и сыграло такую роль для встречи его в эмиграции, потому что для эмигранта самое страшное было именно это слово. Бабель, конечно, ответил сразу на его пощечину.

В.Д.: Ответил?

В.С.: Конечно! Произошла драка. Ну, в общем, скандал был довольно такой крепкий, серьезный. В общем, эмиграция встретила в штыки.

А между тем, сам Бабель относился к эмиграции с удивительной, я бы сказал бы... не только жалостью, но... такой именно мудрой трогательностью. Помню, как он все порывался пойти на доклад, на лекцию Милюкова. Мы его предупреждали: «Зачем? Кому это интересно?» — «Нет! Нет!» Вернулся он восхищенный: «Ох, если бы я был... председателем Верховного... премьером советского правительства...» (или как это называлось...)

В.Д.: Председателем ВЦИК СССР — тогда это называлось.

В.С.: «...я, конечно же, пригласил бы его в Советский Союз. Он бы у нас развернулся необычайно. Какой умница! И как много интересного он нам рассказал!» И так далее. Дон-Аминадо, от которого мы были совсем не в восторге...

В.Д.: Как-как?

В.С.: Дон-Аминадо, такой был юморист в «Последних новостях», тоже осколок «Сатирикона». Он фактически особенно нас так не волновал. Мы больше увлекались Зоценко и Ильфом и Петровым. А он носился с Дон-Аминадо.

Он говорил очень высоко, уважал и бывал у него, Ремизова. Причем у меня кое-где сохранились даже его высказывания о модном ныне за границей Владимире Набокове, который тогда фигурировал у нас под именем Сирина.

Из молодой зарубежной литературы он выделял Сирина и Газданова.

” О Сирине он говорил так: «Удивительно! Под стеклянным колпаком, без земли и без воздуха, пишет — ни о чем, нигде, ничего — а как интересно получается!»

Вот это, между прочим, любопытная вещь, что Бабель так быстро уловил и раскусил Сирина. По сей день этот блестящий писатель возмущает нас тем, зачем он столько блеска и треска дает в своих произведениях, когда это фактически все пусто. Все опустошено. Все это где-то скользит по блестящей поверхности, никогда не проникает в глубину, как у Достоевского.

В.Д.: Он, кажется, пишет теперь по-английски, да?

В.С.: Он написал роман «Лолита» по-английски, и он теперь является бестселлером во всем мире. Эта книга совершенно удивительная, но она опять-таки совершенно вся на блеске и треске.

В.Д.: А где там действие происходит?

В.С.: В Америке. В Соединенных штатах Америки. Вот.

Затем у нас были встречи... много было встреч. Например, в его письмах сохранившихся читаю такую вещь: «Воскресная моя поездка к вам в Кламар (именно в Кламар, где мы тогда жили) окончилась неудачей: по неопытности, я проплутал целый час в поисках нужного мне трамвая, попал на Шатле в девятом часу. Не забудьте, что я близорук. Мне объяснили, что поездка в Кламар приблизительно возьмет час, а то и полтора. Неловко было приезжать так поздно, и вот я вышел обманщиком. Очень жалею о том, что не повидался с вами и очень прошу извинить меня. Я захворал, у меня обострение давнишней болезни дыхательных путей. Я сегодня уезжаю на юг. Немедленно по возвращению в Париж уведомлю вас». Причем, понимаете, он совершил несколько поездок в обществе своей первой жены, Евгении Борисовны, о которой он много, забавно и интересно говорил в ее отсутствие, *(усмехается)* и затем... в обществе моего брата, потому что мой брат...

В.Д.: У вас брат еще был?

В.С.: Да. В Париже был таксист, водитель такси, собственник с машиной и... Между прочим, недавно вышло...

В.Д.: А были и такие? Машину можно было...

В.С.: Иметь собственную машину и возить клиентов.

Между прочим, очень кто-то остроумно из французов сказал о московских водителях такси, приехав из Парижа, что есть большое сходство между Москвой и Парижем: и там, и тут водители такси говорят по-русски.

(Дувакин усмехается.) И между прочим это так: половина таксистов парижских тогда были русские.

В.Д.: В какие годы?

В.С.: Это... в 20-е, потом их стало меньше.

В.Д.: Ну, а у нас вообще такси тогда не было, у нас тогда на извозчиках...

В.С.: Недавно вышла книга Юрия Павловича Анненкова, великолепного художника, вернее, блестящего рисовальщика, автора знаменитых портретов революционных деятелей Октябрьской революции, но и писателя и так далее. Его великолепный портрет Бориса Пастернака, Анны Ахматовой...

В.Д.: Иллюстрировал...

В.С.: Мертвый Блок, например, — одна из потрясающих вещей, которую он нарисовал. Юрий [Павлович] Анненков написал, издал два тома своих воспоминаний, которые фактически являются не воспоминаниями о его жизни, а воспоминаниями о встречах с людьми. Там, между прочим, он меня путает с моим братом. Он сделал такое... он привел письма Бабеля, где он часто упоминает о Сосинском. Он знал только одного Сосинского, меня, как писателя, и поэтому в примечании, где он дает обо мне данные очень правильные все... но я никогда не занимался вождением машины, и только здесь, в Москве, научился управлять «Волгой». Вот.

Анненков делает и другие ошибки. И вот относительно одной грубой ошибки мне и хотелось бы начать свой рассказ о Бабеле. Вот он, например, говорит, как часто Бабель отговаривал русских людей возвращаться обратно на родину. Это явная ложь. У меня есть не только свидетельства как воспоминания, но у меня есть записи в дневнике, где он... Например, когда у нас была Наталья Кедрова*... Это знаменитый квартет Кедрова, созданный при участии Шаляпина, который прогремел на весь мир, это дочь главного из Кедровых. Квартет Кедрова... вот, Наталья Кедрова пела у нас русские песни. И я помню хорошо, как он подошел к ней и говорил: «Наташа, как вы можете здесь оставаться? Вы такая русская, вы так прекрасно поете русские песни, вот ваш голос должен звучать на родине».

* Дочь основателя «Мужского квартета Кедрова» Николая Николаевича Кедрова (1871—1940) звали Елизаветой.

В общем, всякий раз, встречаясь с нами, он уговаривал нас вернуться на родину. «И не бойтесь ничего, ничего с вами не будет. Будете жить с нами». Он говорил об удивительном поколении молодежи советской. Я помню, как он хорошо рассказывал о девушках советских, среди них часто появлялась «метростроевка», «инженер-метростроевец». Антонина Николаевна, которая сейчас в Москве, его вдова, которая великолепно нам однажды рассказала о своих встречах с Бабелем и которая сейчас пишет свои воспоминания о нем*.

* Пирожкова А.Н. Семь лет с Исааком Бабелем. — N.Y.: Слово/Word, 2001. Пирожкова А.Н. О Бабеле — и не только о нём: Я пытаюсь восстановить черты (воспоминания). — М.: АСТ, 2013.

Должен сказать, что Бабель весь целиком был предан своей родине, любил ее безгранично, гордился всем, что там было. Но, правда, одновременно с этим он дружил с людьми, на которых были уже направлены стрелы Сталина. Он дружил с Тухачевским, дружил со многими другими деятелями своего времени.

В.Д.: Потом он был большим другом Михаила Кольцова.

В.С.: Да, совершенно верно. И вот почему, понимаете, надо резко отличать его два визита. Первый —

это 27[-й] — 28[-й], и потом второй — 32-й — 33-й год. В 32-м — 33-м мы жили уже в другом месте. Мы уже поженились. (*Пауза в записи.*) Это место называлось Плесси в эпоху Мопассана. Потом прибавили к этому слову «Робинзон», в честь Робинзона Крузо, потому что там на деревьях в эпоху Мопассана построили такие маленькие домики, хижины, в которых сидели клиенты, забравшись на дерево по лестнице. Вот это место было очень приятно посещать и нам. И он много смеялся, бывая там Исаак Эммануилович. Он...

В.Д.: Простите, что-то хочет сказать...

А.С.: Клиенты кафе.

В.С.: Клиенты кафе, кафе, разбросанного на деревьях огромного парка. И носило это место название «Робинзон» в честь Робинзона Крузо. Вот между прочим очень много романов...

В.Д.: И что же, туда чашку кофе подавали?

В.С.: И вино, и кофе — все, что хотите.

” Приходилось бедному гарсону бегать по лестницам вверх и вниз. Причем зажигался огонек, если кто-нибудь просил чего-нибудь с дерева.

А это время очень забавное, потому что многие романы Мопассана именно происходили на деревьях. Вот там, в Плесси-Робинзон, жила его первая жена и дочурка его, Наташа. Недавно она побывала в Москве и встретилась со своей другой единокровной сестрой...

В.Д.: Сводной сестрой.

В.С.: ...Лидией Бабель, которая является очень талантливым оформителем-декоратором в Москве.

В.Д.: А первая жена Бабея умерла или?..

В.С.: Умерла.

В.Д.: Первая жена Бабея?..

В.С.: Евгения.

В.Д.: Потом умерла или?.. Он вдовцом остался или они разошлись?

А.С.: Она не хотела ехать.

В.С.: Она не хотела возвращаться на родину.

А.С.: Он бы ее не оставил. У нее была дочь. Он бы ее не оставил. Но поскольку она отказалась, а он не мог жить за границей, он с ней разошелся.

В.Д.: Простите, я, может, тут не знаю чего-нибудь. Жена постоянно жила за границей?

В.С.: Да, с Октябрьской революции.

В.Д.: Она что же, значит, эмигрировала?

В.С.: Эмигрировала.

В.Д.: А он? Он участвовал в Конармии и так далее...

В.С.: Да.

В.Д.: А когда же?..

В.С.: Вот тут он ее и потерял.

В.Д.: А женились-то они до революции, выходит?

В.С.: До революции.

В.Д.: А! И она уехала, а он остался?

В.С.: Да.

В.Д.: Потом приезжал навещать свою...

В.С.: Когда он приезжал в Париж, он снова с ней встретился, и они продолжали некоторое время жить как муж и жена, потому что родилась Наташа от этого возобновленного брака.

В.Д.: И его терпели, так сказать, в этом качестве у нас?

В.С.: И в этом качестве терпели.

В.Д.: Потом, значит, он вернулся сюда, а она не поехала?

В.С.: Нет, не поехала.

В.Д.: И он женился на какой-то работнице метростроя? Так что ли?

В.С.: Да, инженер даже она, настоящий инженер, который кончил высшее учебное заведение, специалист по туннелям. И вот он женился на Антонине Николаевне, которая, собственно говоря, и является настоящей его вдовой. Между прочим, поскольку вы об этом заговорили...

В.Д.: Значит, та не просто умерла, а...

В.С.: Нет, потом она умерла.

В.Д.: А так они просто расстались.

А.С.: Она не хотела ехать в советскую страну.

В.С.: Причем...

В.Д.: А он захотел, приехал.

А.С.: Он уже приезжал, отсюда его отпускали на время, и он возвращался обратно. Он никогда не был эмигрантом, ни одного дня. Но он ездил, ее уговаривал. Она отказывалась и... тогда у них произошел разрыв.

В.С.: Вот. Надо сказать, что разрыв произошел в 32-м году. Правда?

А.С.: Правда. Но во всяком случае, я вам скажу такую вещь, что вот когда мы говорим о Евгении Борисовне, так звали ее, тут нужно сказать...

В.Д.: Это его первая жена?

В.С.: Да. ...тут нужно сказать, что у него было чрезвычайно ироническое и, я бы сказал, саркастическое, отношение к своей этой милой Евгении Борисовне, которая была, как мы называли, «рыжей красавицей». Дело в том, что... он так всегда рассказывал: «В каждой еврейской семье есть дочь-красавица. Когда я появился...»

В.Д.: Она еврейка тоже была?

В.С.: Да. «...Когда я появился в Одессе в качестве захолустного репетитора, то моя будущая теща с негодованием отнеслась ко мне и к моим попыткам ухаживать за Евгенией Борисовной. Ну, и все-таки брак состоялся. Теща была очень-очень недовольна. Но когда мое имя стало встречаться в газетах и я стал

писателем, она...

А.С.: Чуть с ума не сошла.

В.С.: ...чуть с ума не сошла от негодования, что этот паршивый Исаак вдруг стал кем-то. Всегда была кем-то ее дочь...

А.С.: Богатая, буржуазная семья...

В.С.: Богатая буржуазная семья. А он тоже полез наверх куда-то. И это такое оскорбление она еле-еле выдержала».

Кроме того, он очень смеялся над тем, что она была... у нее была пышная такая прическа и куда... что ее прическа занимала обычно всю комнату. «Никогда не протиснешься через эти волосы, которые занимали комнату».

Потом он очень смеялся, что она не хочет ехать в Советский Союз только потому, что она влюблена в унитаза. Мы не сразу поняли, в чем дело. Потому что ее брат, на средства которого она жила, был представителем фирмы унитазов. Поэтому она никак не могла покинуть эти заграничные унитаза и не хотела возвращаться на родину. (*Смеются.*) Вот. Это, так сказать... всегда-всегда с издевкой он рассказывал об этом. Ему страшно... малейший случай, что происходил в мире вокруг Евгении Борисовны, всегда его необычайно увлекало. Например, мой брат, когда это в первый раз это рассказывал Исаак Эммануилович, то мой брат был тут же, но он ничего не понял, почему мы смеемся, не сообразил сразу, что тут такого смешного. Он учил по дороге где-то там между Ниццей и Сен-Жан-де-Люз, где-то там, на юге Франции, учил ездить на автомобиле Евгению Борисовну, они все вместе ездили.

” И он вдруг сказал такую фразу, мой брат: «Евгения Борисовна чутко подает газ». И Исаак Эммануилович с тех пор никогда не забывал этой фразы и во время разговора шипел: «Евгения Борисовна чутко подает газ».

В.Д. (хохочет): Он любил такие истории.

В.С.: Да, издевательств у него было много.

А.С.: Он всегда издевался над всеми, кого он любил.

В.С.: Даже кого любил, да. Это в его характере.

В.Д.: А вторая жена, вот, Антонина?..

В.С.: Николаевна.

В.Д.: ...Николаевна, как ее фамилия?..

В.С.: Она совсем в другом стиле, совсем не Евгения Борисовна. Во-первых, она русская, во-вторых, она... сравнить ее нельзя по возвышенным качествам ее. Это значительный человек просто. А Евгения Борисовна просто... по сравнению с ней даже как-то...

А.С.: Она очень буржуазная, просто была буржуазная.

В.С.: Слишком буржуазная, слишком любила комфорт. Все это, конечно, сразу сказывалось во всей повадке человека.

В.Д.: Он получил человека, который ему творчески как-то был родственен.

В.С.: Тут была настоящая любовь, настоящая встреча. Очень большая настоящая встреча. И это сказалося,

конечно, и в дочери, Лидии Исааковне, которая получила очень много такого... не только внешность, близкую ему... несмотря на то, что она очень красивая девочка, но она похожа очень на Исаака Эммануиловича.

В.Д.: То есть как? Ведь он был все-таки мартышкой!

В.С.: Это, оказывается, можно. И потом она очень талантливый человек и внутренне очень любопытная.

В общем, так. Самое главное из моих встреч с Бабелем — это эмигрантский ресторан «Медведь». Нужно вам сказать, что есть такая знаменитая страница из стихотворения только что упомянутого нами Сирина, или Владимира Набокова, где он рассказывает, как Иван Бунин, когда получил Нобелевскую премию, пригласил его в ресторан, очень такой почтенный, значительный. И вот встретились два писателя, старого поколения и нового. Причем Набоков пишет так: «Пригласил меня Бабель на задушевные беседы...»

А.С.: Не Бабель, а...

В.С. (поправляется): Бунин. «...на задушевные беседы. Я ненавижу рестораны, ненавижу водочку, закусь, музыку и особенно задушевные разговоры. И из нашей встречи ничего не получилось»*. Так вот, у нас с Бабелем было одинаково: мы любили и музыку, и водочку, и задушевные разговоры, и неприличные анекдоты, и, в общем, все на свете. И у нас встреча была потрясающая, и не одна, а несколько. Нам это очень удалось. И в особенности я расскажу об одной встрече, которая была в ресторане «Медведь». Это уже было начало 30-х годов, это было уже, наверное, 33-й или 32-й, когда уже Гитлер подходил к власти. Ариадна, это было уже, когда Гитлер был у власти?

* Вот как описывает это Набоков в «Других берегах»: «Помнится, он пригласил меня в какой-то – вероятно дорогой и хороший – ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музыки – и задушевных бесед. Бунин был озадачен моим равнодушием к рябчику и раздражен моим отказом распахнуть душу. К концу обеда нам уже было невыносимо скучно друг с другом. «Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиночестве», – сказал он мне, когда мы направились к вешалкам. Худенькая девушка в черном, найдя наши тяжелые пальто, пала, с ними в объятьях, на низкий прилавок. Я хотел помочь стройному старику надеть пальто, но он остановил меня движением ладони. Продолжая учтиво бороться – он теперь старался помочь мне, – мы медленно выплыли в бледную пасмурность зимнего дня. Мой спутник собрался было застегнуть воротник, как вдруг его лицо перекопилось выражением недоумения и досады. Общими усилиями мы вытащили мой длинный шерстяной шарф, который девушка засунула в рукав его пальто. Шарф выходил очень постепенно, это было какое-то разматывание мумии, и мы тихо вращались друг вокруг друга. Закончив эту египетскую операцию, мы молча продолжали путь до угла, где простились. В дальнейшем мы встречались на людях довольно часто, и почему-то завелся между нами какой-то удручающе-шутливый тон, – и в общем до искусства мы с ним никогда и не договорились»... (Набоков В. Другие берега. Гл. 13)

А.С.: Да-да.

В.С.: Значит, по-видимому, еще раз приезжал.

В.Д.: Гитлер в 33-м году...

В.С.: Бабель еще раз приезжал в Париж?

А.С.: Я думаю, что да.

В.С.: Ну, во всяком случае, коротко говоря, разговоры были в высшей степени интересные.

” И как всегда, чем больше было выпито водочки, чем больше было услышано музыки и съедено закусок, тем больше расцветал Бабель, тем больше интересных вещей он нам рассказывал.

Должен вам сказать, что необычайная свобода мысли и свобода высказываний сохраняется у меня по сей пору, потому что как-никак это была эпоха довольно тяжелая в России.

Вот, например, что он рассказывал...

В.Д.: Рассказывайте все.

В.С.: ...о Ленине. Скажем, что он рассказывал о Ленине. Жалуются на него, что вот у Каменева была,

понимаете ли, выпивка, сидел Каменев за бутылкой водки — и вдруг на пороге появляется Троцкий. Увидев эту сцену, он быстро поворачивается и, пробормотав: «С такими негодьями разговаривать нельзя», — вышел из комнаты. Была выпивка у Карла Радека. Ну, в общем, Карл Радек был весельчак и циник. И вот, значит, по улице шел Ленин, к нему подошел дежурный красноармеец и говорит: «Как-то неудобно: вот одни голодают, а вот, видите, они там пьют. Как же так получается?» И при встрече с Карлом Радеком Ленин укоризненно на следующий день говорит ему: «Ну, что же это вы, голубчик, надо закрывать окна, опускать шторы, чтобы никто не видел».

” И вот разница подхода к таким вещам Ленина и Троцкого. «За всю революцию, — горестно воскликнул Бабель, — Троцкий ни одной бутылки водки не выпил!»

В.Д.: Да что вы говорите?!

В.С.: Да.

В.Д.: Но Ленин <нрзб> выпил?

В.С.: Но он относился иначе ко всем этим вещам. *(Усмехается.)* Не такой был принципиальный, как Троцкий. Когда Ленин говорил... Вот я помню хорошо, он рассказывал...

В.Д.: <нрзб>

В.С.: Да. Когда Ленин говорил, казалось, что снята черепная коробка, когда он выступал со своей речью, и перед нами обнажена удивительная работа мозга, как в дизель-моторе: все клапаны, все коленки — ну, как на ладони. Человек на глазах думал! И вся эта трудная, великолепная работа подавляла слушателей.

А вот о Сталине у него были другие воспоминания. И мне... я знаю, например, такую вещь, как... Был какой-то в Кремле парадный обед, и он был поражен, как Ягода ведет... вел себя за этим столом, Ягода, от которого зависели сотни тысяч людей и их жизни, на Беломорском канале и так далее. И Ягода — к нему присматривался Бабель, изучая человеческий материал, и думал о том, что этот человек, который вот так сейчас спокойно и просто говорит, что от него зависит так много в жизни сотен тысяч других людей, и какой же это должна быть колоссальная страшная фигура — сам Ягода — какой это должен быть волк!

” А в этот момент, когда он так размышлял над Ягодой, вошел Сталин, и Ягода в одно мгновение превратился в подхалима, лакея, увивавшегося перед Сталиным. И тогда Бабель подумал: «Вот он, оказывается, вот кто настоящий-то волк! Вот где собака зарыта!»

И потом, задумавшись, произнес: «Ведь это все-таки исторически изумительно: когда вот там, в Мюнхене, родилась эта зверюга, что у нас в мире есть чем... противопоставить, есть что противопоставить этому зверю. Вот мы нашего волка выпустим! И увидите, чья это будет победа». Эти вещи мы запомнили, потому что они так как-то пророчески сбылись.

В.Д.: Да. Но они, конечно, не очень точны.

В.С.: Они не точны, конечно, они не точны, но такие разговоры, понимаете, очень трудно...

И очень много он рассказывал смешного. «Учился я в университете, как никто из людей, а именно — в Самаре учился — как никто из людей. Жил у одной глухонемой старушки, с которой приходилось переписываться записочками. Ну вот, на следующий день после вселения я написал такую записочку: „Где здесь у вас уборная?“ А она мне в ответ записочку: „Не понимаю, голубчик, по-иностранному“».

В.Д.: Это кому записочка?

В.С.: Да хозяйке, вот глухонемой старухе, которая ему сдавала комнату в Самаре.

В.Д. (смеется): А-а-а!

В.С.: Рассказывал много вещей, которые, конечно, должны были бы войти в его «Конармию». Вот, припоминаю такой случай, как казак, командир полка, ну, отчаянной жизни был человек, получил письмо от отца из станицы: «Как ни стыдно тебе. Вся станица смеется: дрался столько, столько невинных душ загубил, перерубал столько, а вот Ордена Красного знамени не получил!» *(Дувакин ухмыляется.)* И вот он с Бабелем горевал, горевал и говорит: «Дай я чего-нибудь такое выдумаю, чтоб все запомнили!» И он верхом на лошади въехал в кинотеатр, сломал двери, и прекратил сеанс — и был разжалован в солдаты.

В.Д.: А он был уже?..

В.С.: Командир полка. Потом помню я фразу, которая почему-то... она мне очень запомнилась и я ее оставил, в дневнике записал: «Если бы я был поэтом, я написал бы великолепную поэму о Мандельштаме. Вот великое и бескорыстное служение поэзии!»

В.Д.: Очень хорошая.

В.С.: Он любил даже Георгия Адамовича, с его претензией быть лучшим критиком русским. Георгий Адамович, если вы помните, — это один из остатков младшего... акмеистов.

В.Д.: Помню.

В.С.: Георгий Адамович, Георгий Иванов и, значит, Николай Оцуп даже. Да, считал Тухачевского Бабель выдающимся... не только блестящим военным умом считал, не только замечательным человеком, но считал, что это совершенно гениальный стратег и тактик. И все его расчеты на победу над Гитлером, который несомненно уже предчувствовал войну, и она была ясна, он ставил на Тухачевского.

В.Д.: Это, очевидно, еще до уничтожения?

В.С.: Да! До уничтожения Тухачевского.

В.Д.: Очень страшно.

В.С.: Вот, значит, в этом смысле... Нам говорил Бабель, что есть, конечно, известные трудности при возвращении домой, конечно, но все нужно преодолеть. Так что в этом смысле никогда нельзя было бы сказать, что он вел в эмиграции, как это говорит Юрий Павлович Анненков, антисоветскую пропаганду. Это уже называется, действительно, настоящая, простая... настоящая клевета.

В.Д.: И Анненков написал в книжке?..

В.С.: Напечатаны, переведены на английский язык... Вот интересные еще вещи, которые я тут нахожу в своих записях — это то, что он говорил нам о двух книгах, которые он пишет, о двух книгах. Одна книга — это была рассказ о мешочниках, о том, как с места на место мешочники переезжают и таким образом захватывают всю жизнь и все, что на Руси делается. Ну, это канва, канва. *(Обращается к Ариадне Викторовне.)* Что?

А.С.: Это в поисках хлеба.

В.С.: В поисках хлеба они едут. И таким образом, понимаете, он отражает быт колхозной жизни и революции в деревне — все вот эти вещи отражает в довольно смелой форме. И это подтверждала мне здесь и Антонина Николаевна. А вторая книга была о лошадях. Он жил около Звенигорода, вот тогда еще, когда он это рассказывал, там был конный завод, и он часто бывал на конном заводе, поскольку он очень всегда интересовался лошадьми. Также он интересовался и посетил со мною вместе в Плесси-

Робинзон конюшню с лошадьми — особая у него... особая любовь к лошадям. И вот, я помню, он очень хотел, чтоб я устроил встречу, я доволен, что эту встречу мне удалось устроить — со знаменитым князем Урусовым, не тем, который написал книгу о лошади, а его сыном, который фактически был такой же любитель, такой же любитель лошадей, как и знаменитый его отец. Он занимался, конечно, тогда во Франции рысистой делом, рысаки тогда во Франции были. Я помню, когда он... он написал мне, Бабель: «Конечно, не надо добиваться особой встречи, мы могли бы сообщить друг другу много поучительного. У меня есть московские программы, фотографии и прочее. С другой стороны, я хотел бы узнать о состоянии рысистого дела во Франции, если представится, конечно, случай».

Ну вот. Кроме того, он ужасно хотел, чтобы я его познакомил и свел к кубанским, донским казакам, которые работали тогда на заводе «Рено».

В.Д.: Угу, уже в отставке.

В.С.: Да. И я его водил по Бийанкур-Булонь. Это два предместья рабочих парижских, где разбросаны различные ателье знаменитых заводов автомобильных «Рено», где я сам в свое время работал, поэтому знал все столовки русские, которые там есть, потому что все эти люди жили: и обедали, и ужинали обычно в столовках, а обедали — сэндвич брали себе на работу. Вот с ними он удивительно хорошо и великолепно разговаривал! Никто, конечно, не узнавал в нем Бабеля, никто не узнавал в нем советского человека, но о жизни этих людей он много узнал.

В.Д.: Ну, уж его не узнать было нельзя! Ведь он...

В.С.: А вы знаете, насчет того, что в нем еврея нельзя узнать...

В.Д.: То есть наоборот — нельзя не узнать.

В.С.: Нет! Легко можно было подумать, что он не еврей. И у меня есть такое свидетельство, правда, Ариадночка?

А.С.: <нрзб>

В.С.: Вот у меня есть такая запись. Казак поит лошадей, и Бабель потянулся к ведру с водой. «И вот тут, когда, — говорит, — в моих глазах, может быть, появилась какая-то еврейская многовековая тоска, меня томила жажда, казак вдруг сказал мне: „Брось, жидовье, не дам тебе ничего!“ И это был единственный случай в Конармии, когда меня приняли за еврея». Он был лысый, немножко носик наверх, если вы помните, чуть-чуть.

В.Д.: <нрзб>

В.С.: Да, совершенно, совершенно не... И это, между прочим, как раз характерное его признание. Да! Вот он еще такой чудный рассказ нам рассказывал: «Ну, какая Наташа скупая!» (Это его дочурка.) «Ну, она вылитая моя бабушка». Понимаете, «она скупая, — говорит, — <нрзб> игрушку другому ребенку», — Наташа, его дочурка. Так вот. «Когда я был маленьким, я был таким хилым мальчуганом, в семье все так волновались, что я худой, хилый, и бабушка меня всегда закармливала. А я бегал по двору, с товарищами играя, и отдавал, значит, то булку с котлетой, то бутерброд с котлетой, отдавал всегда с колбасой, потому что не ел. И вот, когда она стала это замечать, то она гонялась за этими ребятами и вырывала у них эти бутерброды, и даже пальцами выковыривала у них изо рта!»

В.Д.: О, Господи!

В.С.: <нрзб> страшную такую борьбу за еду

В.Д.: <нрзб>

В.С.: Да. Вот я тогда в дневнике написал: «Возможно, такой бабушки и не было, но он так любил удивлять этим воображение людей». Да! Вот, значит, примерно все, что мы...

В.Д.: А вот их его рассказов таких, из бесед?.. Ведь о нем же очень мало написано.

В.С.: А вы знаете, я вам скажу, что и большинство из этих рассказов, которые мы помним в ресторане «Медведь», они неудоборассказываемые и принадлежат, во всяком случае, к такому стилю, как «Первый гонорар»*, его последний рассказ, если вы читали, вот именно.

* Рассказ называется «Мой первый гонорар». См. Бабель И. Конармия. М., «Правда», 1990. lib.ru/PROZA/BABEL/story_s.txt

В.Д.: Нет.

Ну, вот помню, он интересовался очень этими самыми белогвардейцами, бывал даже на полковых собраниях, где они чествовали какой-нибудь полчок свой.

И вот я помню, как он ездил специально на кладбище в Сент-Женевьев, такое есть кладбище, где похоронены были умершие генералы, полковники, капитаны. И что самое замечательное, что там было по дивизиям и по полкам. И могила, скажем, командира дивизии, командиры полков, а потом шли командиры батальонов, командиры рот — всюду были оставлены места для тех живущих еще на свете людей, чтобы быть именно похороненным там. Это, в каком-то смысле, единственное кладбище, я других таких кладбищ не видел. И вот это тоже очень тогда поразило его, это знаменитое кладбище.

В.Д.: <нрзб> чтобы не потерять место.

В.С.: Да. Видите ли, мне хотелось бы на этом закончить, потому что эти записи, которые у меня были в дневнике, только потому я и мог об этом так рассказать, что они сохранились у меня. А вещи, которые неудоборассказуемые, пусть останутся уж у нас, у меня в воспоминаниях. *(Усмехается.)*

В.Д.: Жаль-жаль, ну, ладно. Но, вообще, <нрзб> у меня цензуры нет.

В.С.: Да, я понимаю, но все-таки мне не хотелось бы... Как-то в этом смысле всегда у нас язык не поворачивается.

В.Д.: А он что, очень похабничал, да?

В.С.: Очень, но просто... в компании, конечно, только. И очень, так сказать, ловко и умело это рассказывал, не... не просто похабничество, так сказать, в этом смысле, что, мол... Нет! Просто это было остроумно и всегда имело какую-то... имело психологическую ценность — только в этом смысле, понимаете ли...

В.Д.: Ну, да, ну, так сказать...

В.С.: ...это было простительно.

В.Д.: ...не обходя... так сказать, с полной словесностью?

В.С.: Да. Но эта словесность не так важна даже в этом смысле, поскольку он это в других формах представлял. Ну, он очень любил рассказывать о таких подслушанных разговорах влюбленных, о встречах в гостинице где-нибудь, в соседней комнате что происходило, о различных разговорах по душам с тем или другим мужчиной или женщиной — и все это вместе взятое — было много таких рассказов, именно, как «Первый гонорар». Я вам советую прочесть этот рассказ.

В.Д.: Он вошел в двухтомник сейчас?

В.С.: Нет, в этот двухтомник не вошел, правда, Ариадна?

А.С.: Да. <нрзб> его к Одессе?

В.С.: Да.

В.Д.: И он рассказывал... жаргонизмы, специальный одесситский колорит, нет?

В.С.: О да! Это он мастерски вел. После этого, когда я читаю что-нибудь одесское сейчас, всегда вспоминаю Бабея. Ужасно...

А.С.: Моя мама училась в Одессе, так что он мог... и он со страстью всегда с ней: «Одесса! Одесса!»
Помнишь?

В.С.: Да. И они общий язык очень быстро нашли, они даже вместе ездили на юг туда.

А.С.: Нет, они за Луару ездили, ты ошибся.

В.С.: Да, по замкам Луары ездили. Между прочем, на Луаре находятся самые интересные места Франции, все средневековые замки почти сохранились, и один лучше другого. Это упоительная прогулка, которая почему-то очень мало используется в качестве интуристов.

В.Д.: Простите, я вас перебую

А.С.: <нрзб> с братом ездили в Сен-Жан-де-Люз, а это именно Луара <нрзб>.

В.Д.: А Ольга Евсеевна приняла, так сказать, Бабея?

А.С.: Да!

В.С.: О-о! Они просто дружили!

А.С.: Страшно! <нрзб> совершенно никаких, так сказать, ограничений, не в смысле советских, но <нрзб>. Наоборот! Она страстно любила, читала все, к Бабелю относилась... Советский Союз, вообще, это...

В.Д.: Она не дожила? Она когда?..

А.С.: Она умерла здесь у меня.

В.Д.: Ах, она здесь!

В.С.: В соседней комнате.

В.Д.: Она вернулась с вами?

В.С.: Да.

А.С.: После нас, несколько позже, потому что у нас не было еще сначала квартиры, когда мы приехали. Да. *(Обращается к Сосинскому.)* Теперь ты доскажи...

В.Д.: Да! Вот вы расскажите, прямо начиная... что вы делали в Париже.

В.С.: Да, вот я как раз расскажу относительно... что разговоры с Бабелем о России, о Советском Союзе, они, конечно, эти зерна, падали в очень благотворную такую почву и несомненно они сыграли большую роль в нашем желании вернуться на родину. Это желание особенно сильно и даже императивно возникло 22 июня 41-го года.

О жизни в Париже в 1930-е годы

В.Д.: Понятно. А в 30-е годы вы?..

В.С.: А в 30-е годы...

В.Д.: Вы жили в Париже? В самом?

В.С.: В самом. Кем вы были в Париже?

В.С.: Я был, как-то я говорил вам, я был секретарем редакции журнала «Воля России»...

В.Д.: И это все продолжалось?...

В.С.: ...и также директором той типографии, где она печаталась. Но в этой типографии печаталось и многое другое, там в ней был и французский отдел. Я как-то вам даже говорил, не знаю, это записано или нет, что там часто приезжал и Вайян-Кутюрье, французский знаменитый коммунистический деятель, и Луи Арагон, и мы не одну проводили ночь вместе за такими срочными изданиями, которые выходили в дни Народного Фронта*...

* Народный фронт (Front populaire) — коалиция левых политических партий, возглавляемая представителем Французской секции Рабочего Интернационала Леоном Блюмом, пришедшая к власти во Франции в 1936 г. В 1937 г. на фоне экономического кризиса Блюм ушел в отставку.

В.Д.: Ага.

В.С.: ...и войны в Испании.

В.Д.: 35-й — 36-й — 37-й год.

В.С.: Так что это время оторвало меня от писания собственно беллетристики, потому что мне приходилось очень много тратить на работу вот такую интенсивную, типографскую и зарабатывать на жизнь.

В.Д.: Издательскую?

В.С.: Издательскую. Нет, именно типографскую, так как это была типография. И я почти что перестал печататься к концу 20-х годов.

В.Д.: А до этого вы что печатали?

В.С.: Рассказы, статьи. Да это все в «Воле России» главным образом.

В.Д.: Значит, вы не выходили отдельной книгой?

В.С.: Отдельной нет, только «Махно» вышла небольшая книга, три рассказа о Махно*.

* Речь идет о единственной к тому моменту книге Сосинского, изданной в 1928 г. В нее вошли три рассказа: «Бердянский», «Перекоп» и «Гуляй-поле».

В.Д.: Разве здесь Махно...

В.С.: Махно был в Париже.

В.Д.: Ах, вы его там узнали?

В.С.: Там я с ним познакомился. Он пришел ко мне ругаться по поводу того, что я его обвинил в моих рассказах, что я из него изобразил бандита, а он — идейный анархист, ученик Кропоткина.

В.Д.: Ага, вот как!

В.С.: Пришел невысокого роста, маленький, курносенький, выщербленный оспой человек, с очень такими бегающими глазками, черненький...

В.Д.: Хорошо портрет даете.

В.С.: И вот все это мне... Я его сфотографировал. И все это он мне излагал довольно пространно, но убедить он меня, конечно, не убедил, хотя он мне принес через некоторое время книгу, которую он издал и которую я оставил здесь в библиотеке — в Фундаментальной библиотеке на улице Фрунзе*.

* Вероятно, речь идет о книге Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. (Ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина»). «Библиотека Махновцев». Париж, 1928.

В.Д.: Фундаментальная библиотека общественных наук.

В.С.: Да. Ну вот, должен сказать, что жизнь моя шла таким образом до 39-го года, где я включился самым

настоящим образом в борьбу с фашистами. Для меня вопрос Гитлера уже принимал абсолютно, так сказать, личное дело, для меня — абсолютно. Я поступил добровольцем во Французскую армию и был...

В.Д.: Ах, вы участвовали в <нрзб>?!

В.С.: Да, и был глубоко разочарован поездкой Риббентропа в Москву, но...

В.Д.: Еще бы!

В.С.: Но после того, как я был ранен в Арденнах, когда танки Гудериана были брошены именно как раз на нас, на Иностраннный легион, мы были... На самом деле потому что я не хотел французского подданства принимать...

В.Д.: А вы были в советском гражданстве уже?

В.С.: Нет, я был апатрид.

А.С.: <нрзб> рассказать.

В.С.: Вот это, между прочим, нужно отметить, что, например, когда я был в Берлине, в 22-м — 23-м году, Германия признала Советский Союз одна из первых, кажется.

В.Д.: Да, в 22-м году.

В.С.: Да. Вот тогда я не пропустил регистрацию и зарегистрировался в посольстве, чтобы не потерять гражданство. После этого в Париже я поступил и года три работал в торгпредстве, и опять не пропустил срока регистрации, чтобы получить гражданство. Но всякий раз, когда я хлопотал о возвращении на родину, я получал письмо такое лаконичное, что Центральный комитет... <нрзб> «Вы, как уроженец тысяча девятьсот такого-то года, должны служить в Красной Армии». Я отвечал, что я согласен служить в Красной Армии, несмотря на то, что я был жених вот этой прелестной особы. И получал через некоторое время ответ, что «ЦК рассмотрело Ваше ходатайство о восстановлении гражданства и его отклонило». Напечатано даже, типографским способом.

В.Д.: Ах, даже так, был такое...

В.С.: Да.

В.Д.: Это для офицеров Добрармии и других...

В.С.: Не знаю, по каким соображениям, но они решили твердо нас не пускать: ни меня, ни Вадима Андреева. Когда Горький говорил о Вадиме Леонидовиче со Сталиным, Сталин сказал: «Пусть едет!».

В.Д.: Да-да, но это уже позже.

А.С.: Да, я вам рассказывала.

В.Д.: Вы это рассказывали.

В.С.: Но это осталось <нрзб> «пусть едет», хотя в посольстве это «пусть едет» сыграло некоторую роль, и там уже как будто бы готовили Вадиму возможность вернуться на родину, но тут — 39-й год, началась война.

Участие во Второй мировой войне

В.Д. Вы сказали, что вы поступили добровольцем во Французскую армию.

В.С.: Да. И значит... Нужно уточнить, что я как нефранцузский подданный не мог поступить во французскую армию как таковую, я мог только поступить только в Иностраннный легион. Но это

был не Иностраннный легион, а специально для этой войны [были] созданы полки волонтеров, так они назывались, иностранцев-волонтеров, но они имели традиции Иностранного легиона. Вот там я командовал взводом, и раненым, в деревушке, в которой родилась Жанна д'Арк, я попал в немецкий плен.

В.Д.: Ах, даже!

В.С.: Как в тот день я ни пытался вырваться из него, четыре раза в тот день я снова попадал в плен.

В.Д.: Да некуда было вырваться. Францию заняли.

В.С.: Да. И таким образом начались эти страшные годы плена.

” И самое страшное — это был для меня 41-й год, 22 июня, когда мимо нашего лагеря в Потсдаме проходили бесконечной чередой поезда, идущие на восток с таким вооружением, с такими всевозможными машинами, с таким количеством солдат и офицеров, что мне казалось, что никакая — куда там — Франция! — никакая в мире страна всего этого не выдержит! И первые вести были грустные.

В.Д.: Да.

В.С.: Первые вести были такие страшные, что мне казалось, что это какой-то кошмар, а не жизнь. И в первый раз, когда я вдруг вздохнул, и эту весть мне принес один немецкий рабочий-коммунист, это был...

В.Д.: Москва?

В.С.: ...московский парад на Красной площади.

В.Д.: Да, это Сталин как раз удачно...

В.С.: И второе — победа в Подмосковье.

В.Д.: Да.

В.С.: Вот эти вещи первые, которые оказались для нас радостной весточкой. Причем, надо вам сказать, не только мы, находившиеся в плену, но многие немцы нам сочувствовали в желании скорейшего уничтожения Гитлера.

В.Д.: Это что вы? Была какая-то оппозиция?..

В.С.: Безусловно была! Не сопротивление было, а... не организованное сопротивление, а вот так — разговоры. Потому что на тебе такой комбинезон, который... с надписью на спине: *Französische Kriegsgefangene* — «Французский военнопленный». Но французский военнопленный, то есть с ним можно уже говорить как это — по душе. Франция была побита, занята немцами. Кусочек, который находился в руках маршала Петена — грош цена этому. Это самое Виши, ни один француз серьезно не относился к этому правительству. И, конечно, ненависть к немцам и у нас, и у французов была грандиозная, в этом смысле. Так постепенно я из французского плена попал во французское Сопротивление.

В.Д.: Простите, но как же вы?.. Вы в Потсдаме были в лагере?

В.С.: В Потсдамском лагере.

В.Д.: Значит, вы в центре Германии, центр Берлина. И как вы из концентрационного лагеря видели эшелоны? Эшелоны-то военные все-таки не так...

В.С.: Лагерь не Луккенвальде, а маленький лагерь, в котором было триста человек. Это не лагеря,

это были маленькие такие... ну, что ли... правда, окруженные проволокой и так далее, но мы работали в этом самом Ufastadt*, где эти... фильмы всякие снимались, разбирали декорации. Мы находились не в большом огромном лагере, скажем, как Луккенвальде, к которому мы принадлежали, мы в маленьком.

* Павильон одного из центров кинопропаганды Третьего рейха, кинообъединение UFA. Он располагался в пригороде Потсдама — Бабельберге. Сейчас там находится Университет кино и телевидения.

В.Д.: Бухенвальду принадлежали, да?

В.С.: Мы к Луккенвальду принадлежали.

В.Д.: Луккенвальде? Это я даже не слышал.

В.С.: Не к Бухенвальду — Луккенвальду. Нет, все это проходило мимо нас и никакого... никакой засекреченности не было.

В.Д.: А советские военнопленные к вам не попадали?

В.С.: Вот. В Луккенвальде они были, и я там видел страшные картины. Я видел, например, польских полицаев, которые с кнутами ходили вокруг проволоки, и достаточно было бросить папиросу русскому военнопленному, советскому, чтобы он либо пал, сраженный пулей с вышки, либо получил удар кнута от польского гражданина. У них всегда было такое желание — играть на национальностях. Они, так сказать, ставили либо польских граждан руководить русскими, либо украинскими. Они все время вот такие вещи проделывали — сами не марались в данном случае.

В.Д.: Это в начале, конечно, войны. Потом ситуация была немножко другая.

В.С.: Да-да, потом уж конечно, наверное...

В.Д.: И вы получили известие о первых победах Советского...

В.С.: Да, через подпольное радио.

В.Д.: В лагере?!

В.С.: Нет, вот...

В.Д.: А как вы из Потсдама-то вышли?

В.С.: Как я попал из Потсдама во Францию?

В.Д.: Да.

В.С.: А это очень интересная вещь. Я, как участник первой войны, ибо мне были присланы документы, наши дамы постарались, документы, что я участвовал в Первой мировой войне, хотя я был только в Гражданской войне, подписанные французами, французами, что я принимал участие, скажем, в Экспедиционном корпусе, который был во Франции. Потом, как отец, как семейный, как имеющий ребенка... мы освобождались из плена.

В.Д.: Французские военнопленные?

В.С.: Да. Я был там за француза.

В.Д.: Понятно.

В.С.: Мы освобождались, мы ехали домой.

В.Д.: Это когда? Год, два, три?..

В.С.: Ну, конечно, годика два уже прошло. Или вас ставили на работу какую-нибудь, понимаете, после того опять забирали. Это разные были моменты. И у меня там счастливо... Да, но у меня как раз произошла беда. По-настоящему, я не должен был быть три с половиной года в плену. С меня хватило бы и двух лет,

имея такие документы. Но вот произошли события в нашем лагере.

”
Были произведены обыски у советских военнопленных и найдены письма на русском языке, написанные одним и тем же почерком: из французского лагеря была переписка. И вот почерк – то был мой. Я был единственный человек, который знал русский язык.

В.Д.: И вы писали письма для...

В.С.: Для переписки между французами и русскими. И тут меня арестовали и бросили в дисциплинарную роту, и мой отъезд сорвался. Я пробыл еще лишних полтора года. Но потом, так сказать, этот случай был забыт. Я был приговорен к смертной казни, даже несколько дней провел как приговоренный к смертной казни. Но это неважно, важно то, что они меня освободили в конце концов, и я вернулся в середине 43-го года на остров Олерон, даже меньше, видите, лет, чем я говорю. У нас война-то началась раньше.

В.Д.: У вас началась в 39-м году. Четыре года почти.

В.С.: Да. И вот на Олероне мне удалось поднять это самое... включить советских граждан, которые работали на строительстве «Атлантического вала»*, их включить во французское Сопротивление и вместе с ними захватить этот остров. Вот эта у меня история рассказана в брошюре, которую мы здесь с Вадимом Леонидовичем Андреевым здесь издали, «Герои Олерона» называется**.

* Система укреплений протяженностью более 5 тыс. км, построенная немцами вдоль побережья от Норвегии до границы с Испанией.

** Андреев В., Прокша Л., Сосинский В. Герои Олерона. «Беларусь», 1965.

В.Д.: А-а-а! Я об этом что-то читал.

В.С.: «Герои Олерона» — если вы даже увидите этот фильм «Далеко на Западе», то это под впечатлением таких вот событий.

В.Д.: А где этот остров?

В.С.: В Атлантическом океане.

В.Д.: У самого побережья?

В.С.: Около Ла-Рошель.

В.Д.: Он небольшой остров?

В.С.: Небольшой: тридцать километров в длину и пять в ширину.

В.Д.: И вам что, удалось захватить этот остров?

В.С.: Нет, но мы потом, когда мы занимали... когда французская армия занимала его извне, то советские ребята взрывали на батареях и орудия, и прочее, и всем нам очень помогли. Это были все мои ребята, а я был уже... Это длинная история, это не так важно. Это уже особая история.

В.Д.: Особая тема.

Возвращение в СССР

В.С.: Но я хочу сказать, что после войны я был приглашен в Организацию Объединенных наций работать в секретариате в качестве редактора. Таким образом, мне удалось прожить там тринадцать лет...

В.Д.: В Нью-Йорке?

В.С.: В Нью-Йорке. И ездить по всему миру, но я, не переставая, хлопотал о возвращении на родину, не переставая.

А.С.: Хотя он имел советский паспорт.

В.С.: Имел советский паспорт.

В.Д.: С какого же времени?

В.С.: С 46-го года.

В.Д.: Это, значит, что же, после амнистии эмигрантов*?

* 14 июня 1946 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции», согласно которому «лица, состоявшие к 7 ноября 1917 года подданными бывшей Российской империи, а также лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Франции, могут восстановить гражданство СССР».

В.С.: Да. Те, которые себя не запятнали в коллаборировании с немцами, те получали советский паспорт, и также это было в Югославии и во Франции. И, к сожалению, всякий раз, когда я наткнулся на... такой вопрос о возвращении, всякий раз я видел препятствие. Так что удалось только реализовать это, когда я работал в Лондоне в комиссии по разоружению и познакомиться...

В.Д.: Значит, вы и в Лондоне еще работали?

В.С.: Да, и в Лондоне, и в Женеве, и в Париже.

В.Д.: <нрзб>...один из сотрудников аппарата Организации Объединенных Наций?

В.С.: Да, совершенно верно. Причем, больше всего мне помог с возвращением сюда... то есть единственный человек, который послал телеграмму развернутую обо мне в Москву — это был тогдашний посол в Лондоне — Яков Александрович Малик, с которым мне удалось близко познакомиться по ходу работы. Я записывал его речи, я был заведующим стенографическим отделом, русским, в Организации Объединенных Наций, и был главным редактором всех заседаний Совета Безопасности, Первого комитета, Генеральной ассамблеи и Комиссии по разоружению.

В.Д.: Перед вами просто во фронт надо становиться.

В.С.: Это довольно крупная должность, потому что из двадцати пяти чиновников, которые значатся на Особом листе, и мое имя тоже.

В. Сосинский в зале заседаний Совета Безопасности ООН (в центре во втором ряду третий справа). 1959 г. Фото из личного архива семьи Сосинских

В.Д.: Так, значит, у вас была более или менее приличная жизнь.

В.С.: Жизнь такая, что я получал последние месяцы моей жизни тысячу долларов в месяц, как теперь будет — тысяча рублей в месяц — зарплата приятная.

В.Д.: Да-а.

В.С.: Вот я на основании этих денег, именно не рублей, а долларов, купил эту квартиру, в которой вы сидите, то есть стал членом кооператива, когда приехал сюда в 58-м году.

В.Д.: Ага, и вас приняли в кооператив.

В.С.: Да. Мне сказали, когда я ездил в Вашингтон и просился домой, они мне очень ласково говорили: «Знаете, вы нам нужны здесь, вы незаменимы» и прочее, и прочее, «а там квартир нет». Тогда еще строительства такого не было, как сегодня.

В.Д.: Да.

В.С.: «Там трудно очень устроиться на работу. Вы языки знаете, вы не пропадете, но с квартирами у нас очень туго». Тогда я перехитрил мое начальство в Вашингтоне. Я зашел сюда, конечно, с рекомендательным письмом, к Промыслову, который был тогда не мэром нашего города, а был председателем Мосстроя, и он меня соединил с кооперативами. Он, я помню хорошо, меня спросил: «Вас устраивает советская медицина по профилю?» Я ответил: «Очень! Буду болеть — соседи будут лечить». Ну, он рассмеялся, открыл мне текущий счет во Внешнем банке торговли, потому что нужно было привезти сюда доллары, и я перевел 10 тысяч долларов за эту квартиру.

В.Д.: Хм. И вы въехали сразу в квартиру или жили какое-то время...

В.С.: Нет.

А.С.: Нет, мы жили...

В.С.: А-а-а! Мы жили два года в деревне в Подмоскowie, пока она строилась. Эта обошлась в 90 тысяч рублей квартира, теми деньгами. Тогда это было: доллар — 10 рублей. И я перевел сюда 9 тысяч долларов.

В.Д.: Да, ну, ладно.

В.С.: И тогда я купил, как вы видели, «Волгу».

В.Д.: А где вы встречали... а где вы... Значит, сейчас вы пенсию получаете как работник Организации Объединенных Наций?

В.С.: Нет, пенсию я получаю советскую.

В.Д.: Как советский писатель?

В.С.: Как советский гражданин.

В.Д.: Но стаж-то у вас двадцатипятилетний?..

В.С.: Удовлетворились стажем заграничным: тринадцать лет в Организации Объединенных Наций плюс двенадцать лет, которые я служил в различных фирмах и типографиях во Франции.

В.Д.: <нрзб> Вам зачли?

В.С.: Зачли.

В.Д.: Вот парадокс.

В.С.: Парадокс?

В.Д.: Конечно.

В.С.: Тогда не хватило полтора года, чтобы было 25 лет, чтобы была полная. Полтора года не хватило. То они мне сказали, сами разобравшись в моей биографии, в министерстве, что «вы же были во Французском Сопротивлении? Вот это мы и посчитаем полтора года».

В.Д.: Резон.

В.С.: Это я вам говорю не анекдоты.

О встречах с французскими писателями

В.Д.: Да, конечно, это очень смешно. Да, а вы говорите, что вы там встречались с французскими писателями.

В.С.: Ну, вот, главным образом, с такими, как Луи Арагон, затем с такими деятелями, как Вайян-Кутюрье. Ну, вообще-то говоря, большого количества писателей, правда, у нас не было.

А.С.: Кессель.

В.С.: Кессель? Он у нас мало известен, а там он очень крупный писатель. Его лучшая книга «Экипаж», это первая книга о... до еще Сент-Экзюпери... самолеты, экипаж самолетов. Это его была в 14-м году, в 15-м — 16-м году издана. Но больше всего, конечно, я вращался в литературной русской среде, так же, как потом, попав в Соединенные штаты Америки, я переключился на советскую среду людей, которые работали в Организации Объединенных Наций, советские граждане и депутаты, то есть делегаты с Парк-авеню*. Все мне обещали помочь в возвращении на родину, с кем только я ни говорил, но помог

вот только один человек.

* На Парк-авеню в то время находилось представительство СССР в ООН.

В.Д.: Малик.

В.С.: Да.

В.Д.: А когда вы уезжали из Парижа, то уже собственно враждебной эмигрантской среды, которая могла вас предать анафеме... она собственно почти рассосалась, ее не было.

В.С.: Нет, она еще сильнее существовала, и анафеме я был предан. Есть такой талантливый молодой писатель Владимир Варшавский. Его книга, значит, «Потерянное поколение», довольно известна и даже переведена на другие языки. Володя Варшавский очень со мной дружил, но ему дали визу, русские устроили визу в Америку и работать в Организации Объединенных Наций без права встречаться с Сосинским, так что, видите, как я...

В.Д.: А он что, как белый что ли поехал?

В.С.: Как белый, да.

В.Д.: А-а, без права встречаться с Сосинским, который, себя, так сказать, дискредитировал.

В.С.: Да-да-да. И он со мной не здоровался, но издали подмигивал мне глазом, когда встречался в лифте или где-нибудь. (*Дувакин усмехается.*) И тотчас же его могли... на него могли наложить вето. Было очень много таких смешных встреч по этой линии.

В.Д.: А Эльзу Триоле вы встречали?

В.С.: Нет. Это больше всего сестра Ариадны Викторовны с ней встречалась. Но у нее встречи были не очень удачные.

(*Пауза в записи.*)

Теперь... Я думаю, что это все!

В.Д.: Ну, Ариадна Викторовна, а вам нечего больше добавить? О Бабеле?

А.С.: Нет, я думаю, что нет.

В.Д.: Ну, хорошо, можно этим удовлетвориться. Я понимаю, что вы неисчерпаемы.

В.С.: Я думаю, что более всего нам есть что рассказать — это о Ремизове, которого почему-то здесь не очень...

В.Д.: Просто его не знают.

В.С.: Не знают.

А.С.: Он как раз из всех писателей больше всего, лучше всего относился к Советскому Союзу, к советской культуре. Он ведь принял советский паспорт, взял советский паспорт, это одновременно с нами.

В.Д.: Очень мало о нем...

А.С.: Он читал все книжки советские, он все выписывал, что только мог. Тратил... У него было очень плохо материально, но он все свои деньги, которые ему давали друзья, он тратил на эти книжки и ссорился с ними, и страшно любил вообще советскую культуру. А когда, вот, мой сын поступил в университет, еще до нашего приезда, мой старший сын поступил в университет в 37-м году, то есть, простите, в 57-м году. Мы в 60-м приехали, а до этого он раньше поступил в Университет московский.

В.Д.: Здесь?

А.С.: Да. Так Алексей Михайлович этому так, вообще, радовался, как будто это его, понимаете... Он почти своим внуком его считал. Для него это было громадное счастье.

В.Д.: Ну, Алексею Михайловичу мы посвятим еще одну встречу.

В.С.: Алексею Михайловичу мы должны. Это обязанность наша по отношению к будущему.

В.Д.: Да, конечно!

В.С.: Я глубоко уверен, что будет пересмотр, должен быть пересмотр, и Алексей Михайлович займет достойное место.

В.Д.: Конечно, конечно! Ну, большое вам спасибо.

Я никогда не видел такой находчивости у человека и такого блеска в ответах, тут же, на месте, как это проделывал Маяковский.

Теперь все это уже исчезло из моего сознания. Подробности я вам дать не могу.

В.Д.: И стихов, которые он читал, тоже не можете?

В.С.: тоже не помню какие. Я думаю, что это был «Ленин», а может быть, нет. Надо проверить, в каком году это было.

В.Д.: В каком году это было?

В.С.: Вот именно. Надо проверить, в каком году он выступал, впервые приехав.

В.Д.: Впервые?

В.С.: Впервые.

В.Д.: Ну, тогда еще «Ленина» не было.

В.С.: Не было? Во всяком случае...

В.Д.: Первая поездка в Париж?

В.С.: Ах, нет, не первая. Первая поездка в Париж — меня и не было в Париже.

В.Д.: Он в 24-м — 25-м был...

В.С.: Вот, скорее всего, в 25-м, так вот, в таком роде.

В.Д.: Да, он тогда долго пробыл в Париже.

В.С.: Да, вот тогда.

В.Д.: В 24-м году, осенью, он приехал, а потом пытался уехать в Америку, ему визы не дали, он вернулся, потом поехал снова.

В.С.: Ну, это легко будет проверить. А что касается еще того знаменитого его жеста, когда он снимал с себя пиджак и засучивал рукава — вот тут, понимаете, видна была его огромная работа. Для него каждое выступление — это был труд настоящего рабочего. Мы все это ощущали. Мы ощущали, что с народом говорить не так легко, в особенности, с таким антисоветски настроенным, что тут нужно и рукава засучить, тут нужно и пиджак снять. Это труд невероятный. И я должен сказать, что он был полным победителем в этом вечере.

